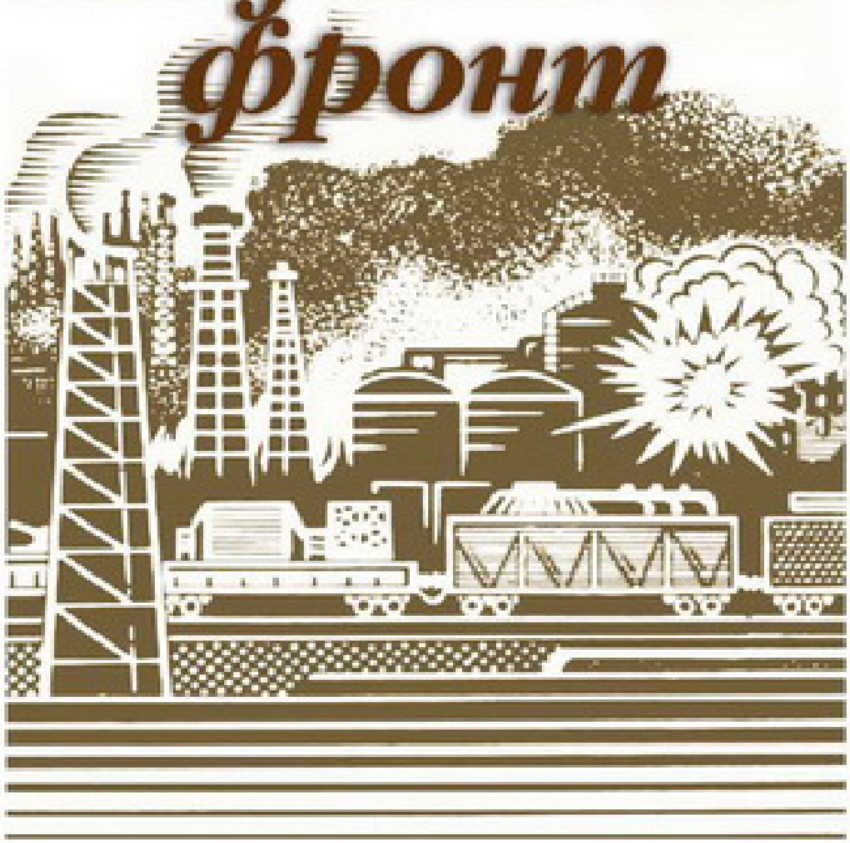
библиотека литературного Факела

Нефтяной фронт



проза • поэзия • мемуары • публицистика

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Николай Константинович Байбаков – известный государственный деятель, прошедший путь от инженера-нефтяника до заместителя Председателя Совмина, председателя Госплана СССР, делится своими воспоминаниями о годах Великой Отечественной войны, нефтяной и газовой промышленности этого периода, о перебазировании ее из южных районов на Восток, о создании Второго Баку, о трудовом подвиге нефтяников страны в военные годы.

Для широкого круга читателей.

- Николай Константинович Байбаков
  - К моим читателям

Николай Константинович Байбаков
Нефтяной фронт

К моим читателям

На протяжении истории человечества отдельные годы были связаны с событиями исключительной важности. К ним, вне всякого сомнения, относятся тяжелые для нашего народа годы Великой Отечественной войны, которая в мае 1945 года завершилась полным крушением гитлеровских планов.

Время летит быстро – недавно наш народ уже отметил 60-ю годовщину Великой Победы.

В годы войны и особенно в послевоенные годы было написано немало прекрасных книг о героической Красной Армии, ее выдающихся полководцах, трудовых подвигах тружеников тыла. Это тот золотой фонд литературы, который навсегда сохранит для будущих поколений память о величии нашего народа.

Я лично до сих пор продолжаю перечитывать эти книги и каждый раз испытываю большое волнение за судьбу нашей многонациональной страны.

Особая роль в достижении нашей Великой Победы принадлежит работникам нефтяной промышленности, без самоотверженного труда которых невозможно было бы победить во Второй мировой войне, не случайно названной «войной моторов».

Как одному из активных участников тех далеких событий, мне хотелось бы поделиться своими воспоминаниями и мыслями с новыми поколениями наших прекрасных тружеников – нефтяников и газовиков.

Поэтому предлагаю Вашему вниманию свою книгу воспоминаний о героическом труде наших нефтяников в годы войны, когда в кратчайшие сроки было восстановлено разрушенное нефтяное хозяйство и создана мощная база для последующего бурного развития нефтяной и газовой промышленности.

Как увидят читатели, даже в самые тяжелые дни войны, когда враг захватил ряд важных нефтедобывающих районов страны или находился на подступах к ним, благодаря небывалой воле к победе и устремленности в будущее, страна нашла в себе силы для открытия и освоения новых нефтяных месторождений, создав знаменитое Второе Баку в глубоком тылу И это было совершено в самые короткие сроки.

Я хотел бы пожелать новым поколениям нефтяников и газовиков таких же великих свершений в их жизни.

Считаю, что такое пожелание особенно необходимо в наши дни. К великому огорчению старших поколений нефтяников достигнутый к концу 80-х годов мощный потенциал нефтяной промышленности России сократился за последние годы почти

наполовину. Из-за резкого сокращения финансирования практически свертываются геолого-разведочные работы на нефть и газ. Начался опасный процесс «проедания» открытых ранее запасов нефти. Выработанность наиболее крупных разрабатываемых нефтяных месторождений достигла критического уровня. Резко осложнились хозяйственные и научно-технические связи нефтяных предприятий со своими партнерами из смежных отраслей. По существу, полностью прекращено финансирование работ по созданию новых мощностей и особенно в перспективной газовой промышленности.

Больно видеть развал того, чему была отдана вся жизнь…

Ноя оптимист. Надеюсь, что руководство страны примет все меры к предотвращению дальнейшего спада нашей родной нефтяной промышленности. Ведь нефть и газ кормили нас и хорошо помогали развитию производительных сил нашей страны.

…

Мои уважаемые читатели!

Добра Вам, крепкого здоровья, душевного удовлетворения и долгих-долгих лет активной созидательной жизни!

…

Н.К. Байбаков

Нефтяной фронт

Вероломное нападение гитлеровской Германии на нашу Родину помимо неисчислимых бед, причиненных народу существенно задержало развитие нефтяной промышленности. Ухудшилось материально-техническое снабжение, многие квалифицированные рабочие ушли на фронт, немало заводов нефтяного машиностроения было переключено на производство боеприпасов и вооружения для фронта. В связи с уходом в армию кадровых нефтяников остро встал вопрос о пополнении производства новыми людьми и перераспределении имеющихся. И тут вновь была продемонстрирована сила патриотического духа советских людей. Юноши и девушки из колхозов и сельских районов приехали работать на нефтяные промыслы – в бригадах по добыче нефти, подземному и капитальному ремонту скважин, на тракторных базах, компрессорных и нефтеперекачивающих станциях.

В первые месяцы войны положение на фронте осложнялось с каждым днем, и Государственный Комитет Обороны принял решение о перебазировании на Восток крупных заводов, фабрик, большого количества техники. На меня было возложено руководство эвакуацией наркомата в Уфу. По каналу Москва – Волга, по Волге, Каме, реке Белой на теплоходе наркоматовские работники с семьями прибыли на место. После их размещения и обустройства я в спешном порядке вернулся в Москву, к новому делу: меня назначили уполномоченным Государственного Комитета Обороны по обеспечению фронта горючим. В течение ряда месяцев я контролировал поступление в войска горючего из Баку, Грозного, Кубани, Башкирии.

Не могу не отметить, что в первый год войны бакинцы дали стране 23,5 миллиона тонн, то есть более двух третей всей нефти страны. Это была самая большая добыча за всю историю нефтяной промышленности Азербайджана – настоящий подвиг бакинских нефтяников, совершенный в неимоверно тяжелых условиях при острой нехватке квалифицированных кадров, оборудования и технических средств.

Бакинская нефть в значительной мере способствовала успешному решению таких первостепенных народнохозяйственных задач, как развитие автомобильного и воздушного, морского и речного транспорта, механизация сельскохозяйственных работ, электрификация страны. Она сыграла большую роль в укреплении обороноспособности страны, снабжая горючим и смазочными маслами танки,

бронетранспортеры, боевые самолеты – словом, всю оборонную технику.

Начавшаяся война задержала дальнейшее развитие нефтяной промышленности Азербайджана, которая находилась в исключительно тяжелых условиях в годы Великой Отечественной войны: ухудшилось материально-техническое снабжение, затруднился вывоз из Баку нефти и нефтепродуктов; многие квалифицированные рабочие ушли на фронт, другие были эвакуированы на нефтяные промыслы восточных районов; заводы нефтяного машиностроения были переключены на производство боеприпасов и вооружения для фронта. Развитие техники ограничивалось тогда лишь теми мероприятиями, которые не требовали большого количества металла и оборудования.

Тем не менее люди искали и находили выход из тяжелейших ситуаций, изобретали и придумывали, казалось, невозможное. Нефтяники на острове Артем организовали водолазные поиски и подняли со дна Каспия многое из того «старья», в котором в мирное время не нуждались. В эти трудные годы, когда трубные заводы выпускали в основном оборонную продукцию, старые трубы были отремонтированы и пущены в дело. Так, в районе Азербайджана в начале войны был разобран старый трубопровод и направлен на строительство газопровода Бугуруслан – Куйбышев, что обеспечило топливом оборонные заводы Куйбышева.

В летописи героических свершений советских людей в годы Великой Отечественной войны заметное место занимают труженики нефтяной промышленности Азербайджана. Их вклад в дело победы советских войск над немецко-фашистскими захватчиками поистине неоценим. День и ночь, нередко по нескольку суток подряд несли они фронтовую вахту на промыслах и нефтеперерабатывающих заводах. «Кровь моторов» – бакинское горючее непрерывным потоком отправлялось в действующую армию.

В первый день войны во всех районах Баку прошли митинги трудящихся. Нефтяники города брали на себя повышенные обязательства по выполнению и перевыполнению установленных заданий. По инициативе нефтяников Ленинского, Орджоникидзевского и Шаумянского районов Баку вся нефтяная промышленность Азербайджана была переведена на 12-часовой рабочий график без выходных дней и отпусков до окончания войны.

И несмотря на вынужденное свертывание буровых работ, все годы войны нефтяная промышленность Азербайджана оставалась основной базой страны, бесперебойно обеспечивающей тыл и

фронт высококачественными горюче-смазочными материалами.

Горячо откликнувшись на призыв Коммунистической партии: «Все для фронта, все для победы!», бакинские нефтяники приступили к перестройке нефтяной промышленности на военный лад. В первые дни войны с нефтяных промыслов добровольно и по мобилизации ушло на фронт около половины квалифицированных рабочих, мастеров и инженеров. Взамен ушедших на фронт пришли на промыслы и нефтеперерабатывающие заводы десятки тысяч женщин, девушек, подростков и пенсионеров.

Хочется особо сказать о женщинах, трудившихся в годы войны в нефтяной промышленности. Они составляли тогда половину всех тружеников этой отрасли. Участвовали женщины и в бурении, в подземном и капитальном ремонте скважин, и в работах многих других тяжелых и сложных участков нефтяного производства. Большинство женщин в то время не имело квалификации, но они настойчиво перенимали опыт кадровых рабочих, делали все, чтобы быстрее освоить сложную технику и технологию производства. Пять крупных нефтепромыслов из восьми в тресте «Орджоникидзенефть» возглавляли женщины: Антонина Бакулина, Медина Везирова, Сугра Гайбова, Сакина Кулиева, Анна Плешко. В тресте «Ленинефть» руководила промыслом София Крючкина.

Говоря о подвигах женщин в период Великой Отечественной войны, мне хочется, как бывшему наркому нефтяной промышленности, еще раз выразить им глубокую благодарность и признательность за все, что они сделали для победы.

Созданный на девятый день войны Государственный Комитет Обороны уделял повседневное внимание нефтяной промышленности Азербайджана, обеспечению нефтепромыслов и буровых необходимыми материалами и оборудованием.

Люди искали выход из тяжелейших тупиков, изобретали и придумывали, казалось, невозможное, но так или иначе находили решение возникавших проблем и трудностей.

В первые месяцы войны гитлеровские войска оккупировали часть территории нашей страны, подошли к Москве, стали угрожать Кавказу. Государственный Комитет Обороны принял решение о перебазировании на Восток крупных заводов, предприятий, всей техники.

Особо остро стоял вопрос о нефтяной промышленности. Нам было поручено демонтировать и эвакуировать нефтепромысловое и нефтеперерабатывающее оборудование с Северного Кавказа и Баку, а в случае необходимости вывести его из строя. С болью в сердце выполняли нефтяники это задание. Оборудование

промыслов и заводов Кубани, Грозного и Дагестана эвакуировали на Восток, большинство скважин и установок было ликвидировано. Оккупанты просчитались. За время пребывания на Кубани они не получили нефти, а к Грозному и Баку фашистские полчища не подпустила Красная Армия.

В ЦК и Бакинском горкоме Компартии Азербайджана были заблаговременно подготовлены меры по ликвидации промыслов и восстановительным работам на случай воздушных бомбардировок или военной оккупации Баку. Для осуществления этих мероприятий была образована Центральная комиссия под председательством начальника Азнефтекомбината М.А. Евсеенко, на каждом промысле – оперативные штабы, в цехах и на участках – объектовые комиссии. Оперативные ликвидационные группы и объектовые комиссии тщательно продумали мероприятия по выводу скважин и технологических установок из строя. Так, например, скважины решено было перекрывать обрывом труб с набросом сверху готовых болванок. Была установлена и строгая очередность вывода из строя отдельных категорий скважин. Все особо богатые скважины планировалось выводить из строя в последнюю очередь, чтобы до последней минуты брать из них нефть.

В ноябре 1941 года армии Южного фронта провели севернее Ростова-на-Дону успешную операцию по разгрому немецко-фашистских войск. Это вызвало огромный трудовой подъема, в том числе и на предприятиях нефтяной промышленности: добыча нефти, выработка нефтепродуктов были максимально увеличены.

В конце первого года войны, когда шла героическая битва под Москвой, бакинские нефтяники писали защитникам столицы: «Мы клянемся бороться за нефть так, как сражаются на фронте героические защитники Москвы». Разгром немцев под Москвой в декабре 1941 года имел исключительное значение для всего хода войны.

Потерпев поражение в Центральном районе после краха под Москвой, немецкие армии развернули в первой половине 1942 года наступление на юге, сосредоточив на этом направлении огромное количество войск и техники. Гитлеровцы стремились к Волге и Кавказу. В новый план фюрера входило форсировать в районе Сталинграда Волгу и перерезать эту важнейшую коммуникацию, игравшую особую роль в вывозе продукции бакинской и грозненской нефтяной промышленности. В июле 1942 года гитлеровские армии вышли к нижнему Дону, им было приказано захватить нефтяные промыслы Северного Кавказа, Грозного, а затем Баку. Ожесточенные бои развернулись на Майкопском направлении. В эти трудные дни «Правда» писала:

«…В предгорьях Кавказа идут невиданные по своим масштабам и ожесточенности бои. Над Советской Россией нависла серьезнейшая опасность. Враг захватил важные районы нашей страны. Он хочет лишить нас хлеба, нефти. Он поставил перед собой задачу – отрезать от нашей страны Советский Юг…»

В течение 150 дней и ночей с августа 1942 по январь 1943 года вдоль всего Главного Кавказского хребта – от Эльбруса до Новороссийска – шли напряженные бои. Гитлеровцы упорно стремились к богатствам Юга нашей страны, к кавказской нефти. 1 июля 1942 года на совещании штабов группы армий «Юг» Гитлер заявил: «Если я не получу нефть Майкопа и Грозного, я должен покончить с этой войной». Немецкие стратеги разработали план покорения Кавказа и захвата его богатств. В обозе своих войск немецкие генералы везли будущего «рейхскомиссара Кавказа» некоего Шикенданца.

И когда в начале августа 1942 года немцы во второй раз заняли Ростов, создалась реальная угроза оккупации нефтедобывающих районов Северного Кавказа. Операция гитлеровцев по захвату этих советских территорий носила кодовое название «Эдельвейс». Однако лирикой здесь и не пахло. Это был оголтелый фашистский цинизм – назвать именем нежного альпийского цветка военные действия по захвату нефтяных промыслов Кавказа, его продовольственных ресурсов. В то время Риббентроп оптимистично заявлял: «Когда у русских запасы нефти истощатся, Россия будет поставлена на колени».

Были перерезаны основные железнодорожные магистрали и прямые водные пути, по которым доставлялись нефть и нефтепродукты из Баку к фронту и промышленным центрам. Баку-Батумский нефтепровод демонтировали, а Красноводский порт был слабо подготовлен к приему большого объема нефтепродуктов, оборудования, грузов, а также и людей. Враг прорывался к бакинской нефти, он находился у ворот Кавказа. Баку – главная нефтяная база страны – оказался в тяжелом положении. Добываемую нефть некуда было девать. Все металлические резервуары и земляные амбары были переполнены. Пришлось приостановить бурение новых скважин, законсервировать действующие. Но стране нужен был бензин во все возрастающих количествах, нужда в нем – отчаянная! Но как быть с остатками? Это ведь тоже ценнейшее сырье, затраченные средства, труд! И вот вносится невероятное с точки зрения технологии разработки нефтяных месторождений предложение: нефть добывать, гнать ее по трубопроводу на нефтеперегонные заводы в «Черный город»; снимать там верхушку (бензин), а остаток отправлять обратно и закачивать его в пласт.

Да, предложение это, надо прямо сказать, отдавало фантастикой. Но, реально оценив смелость этого единственно возможного в той экстремальной ситуации предложения, я полностью поддержал его и санкционировал.

Для этой цели была выделена специальная скважина и через нее закачали для хранения непосредственно в нефтяном пласте около полумиллиона тонн отбензиненной нефти. Надо сказать, что эту нефть полностью вторично добыли, правда, уже после войны…

Наше командование знало о том, что за несколько дней до начала войны Геринг, имевший неограниченные полномочия в области «максимального использования обнаруженных запасов и экономических мощностей для нужд Германии», утвердил документ с шифрованным названием «Зеленая папка». В нем, в частности, отмечалось: «…необходимо принять все меры к немедленному использованию оккупированных областей в интересах Германии. Получать для Германии как можно больше продовольствия и нефти – такова главная экономическая цель кампании».

Проблема горючего для Германии действительно являлась острейшей. На начало войны немцы производили примерно 8–9 миллионов тонн бензина и дизельного топлива, в основном из угля, методом гидрогенизации его под высоким давлением. Своей нефти у них практически не было. Вот почему нацисты возлагали большие надежды на быстрый захват нефтяных промыслов Кавказа и Закавказья, где перед войной получали более 80 процентов добывавшейся в нашей стране нефти.

В один из тех жарких июльских дней меня вызвал в Кремль Сталин. Взглянул спокойно и тихим, почти будничным голосом проговорил:

– Товарищ Байбаков, Гитлер рвется на Кавказ. Он объявил, если не захватит нефть Кавказа, то проиграет войну. Нужно сделать все, чтобы ни одна капля нефти не досталась немцам. Имейте в виду, если это случится, то будет очень плохо для нас. Поэтому я вас предупреждаю, если вы оставите хоть одну тонну нефти, мы вас расстреляем. Но, если вы уничтожите промыслы, а немец не придет и мы останемся без горючего, мы вас тоже расстреляем.

Набравшись смелости, я спросил:

– Товарищ Сталин, а какая альтернатива?

– Вы молодой человек… У вас есть? – Сталин при этом показал пальцем на висок. – Летите и с Буденным решайте этот вопрос на месте.

Семен Михайлович Буденный командовал в то время Южным

фронтом.

На другой день в Государственном Комитете Обороны состоялся разговор о срочном формировании группы специалистов, направляемых на Северный Кавказ для проведения особых работ на нефтяных промыслах Краснодарского края.

Мне был задан такой вопрос:

– Нельзя ли сделать так, чтобы в случае, если немцы захватят промыслы, они не смогли быстро наладить добычу нефти, а мы, вернувшись в районы промыслов, быстро бы их восстановили?…

– Таких способов нет, – ответил я. – Есть только один выход: если обстановка окажется сложной, постараемся демонтировать и отправить в восточные районы все ценное оборудование. Нефть будем добывать до последней возможности, но при крайних обстоятельствах промыслы уничтожим.

В Государственном Комитете Обороны согласились с моим мнением, и мы стали оперативно формировать группу опытных инженеров-нефтяников и специалистов взрывного дела Наркомата внутренних дел СССР. В ее состав вошли нефтяники Н.С. Тимофеев, А.А. Минин, Я.В. Лаврентьев, Ю.Н. Боксерман, Н.В. Анисимов, С.С. Апряткин, Б.М. Славин, А.А. Масленников, а также работники Наркомата внутренних дел.

Специальным самолетом наша группа вылетела через Куйбышев в Краснодар, так как по обычной (прямой) трассе добираться было уже опасно. В Краснодар прилетели жарким июльским днем. Здесь ничто еще не напоминало о войне – все было спокойно, кругом много цветов, и невольно закралось сомнение: не слишком ли рано прилетели сюда? Но мысли эти довольно скоро развеялись.

В первый же день на заседании бюро крайкома партии я сообщил о решении, принятом Государственным Комитетом Обороны. По напряженным, как-то сразу осунувшимся лицам большинства членов бюро я понял, что прибыл своевременно: увидел, как тяжело людям, столько сил и энергии вложившим в создание и развитие нефтяной промышленности края, смириться с мыслью о необходимости подготовки к демонтажу оборудования предприятий и, может быть, даже к уничтожению скважин. Каждый сознавал: фронт приближается. После заседания в крайкоме партии члены группы разъехались по нефтяным районам, а в Краснодаре был создан штаб, который днем и ночью поддерживал связь с руководством промыслов и командованием Северо-Кавказского фронта.

В воспоминаниях генерал-лейтенанта А.Д. Бесчастнова, опубликованных в 1981 году в журнале «Новый мир», достаточно полно описан этот период Великой Отечественной войны.

Бесчастнов в то время руководил оперативным отделом НКВД, обеспечивавшим безопасность промышленных предприятий Краснодарского края, а также возглавлял созданный в связи с обострившимся положением на фронте упомянутый штаб по спецмероприятиям.

Краснодарский нефтяной комбинат в то время возглавлял Семен Семенович Апряткин – человек удивительной цельности, энергии, воли. Он, как и другие работники комбината, немедленно включился в работу, хотя переживал, пожалуй, больше всех. Ему-то было лучше известно, что предстоит делать на промыслах и заводах. Теплилась надежда: может, не допустят немцев на Северный Кавказ? Работал он самоотверженно, не давая покоя ни себе, ни другим.

При этом хочу добавить, что, когда пришлось оставить Кубань, С.С. Апряткин очень много сделал для фронта, для развития добычи нефти. Но особенно проявился его талант руководителя на посту первого секретаря Чечено-Ингушского обкома КПСС, где ему пришлось заниматься не только вопросами нефти, но и всеми вопросами жизни партийной организации автономной республики.

На Северном Кавказе стояла задача – законсервировать эксплуатационные скважины нефтепромыслов, не дать врагу ни капли советской нефти. Предварительно была проделана большая подготовительная работа вплоть до научных исследований: возможен ли вывод из строя скважин, гарантирующий их восстановление впоследствии. В районе станиц Апшеронской и Хадыженской, то есть в основных нефтяных районах Краснодарского края, были проведены экспериментальные работы по выводу из строя нефтяных скважин при различных способах их эксплуатации. Разработаны и были утверждены специальные инструкции по уничтожению скважин, насосных и электрических станций, а также других промышленных объектов.

Вот как описывает эти события активный их участник А.Д. Бесчастнов:

«В тесном контакте с нами работала в Краснодаре группа Николая Константиновича Байбакова, заместителя наркома нефтяной промышленности. Она разрабатывала технологию вывода из строя нефтепромыслов и методы долговременной консервации скважин. Проводились эксперименты, потом это воплощалось в реальных условиях. Забегая вперед, скажу, что немцам так и не удалось за время оккупации пустить в эксплуатацию ни одной нефтяной скважины, а стало быть, и получить для своих нужд ни литра кубанской нефти, хотя этим и занимались прибывшие из рейха специалисты по нефтедобыче».

На промыслах Краснодарского края мы разрабатывали технологию вывода из строя и методы долговременной консервации скважин. Работали, не считаясь со временем, не давали покоя ни себе, ни другим.

Было известно, что на острове Борнео перед оккупацией его японцами в 1941 году в аналогичной обстановке уничтожались нефтяные промыслы – скважины забили металлом и бумажными мешками с цементом.

Меркулов, заместитель Берии, привез в Краснодар тех самых английских специалистов, которые занимались уничтожением скважин на острове Борнео, для передачи опыта. Англичане утверждали, что на Северном Кавказе законсервированные по их методу скважины восстановить будет невозможно.

– Ну давайте посмотрим, что и как… – согласился я.

По моему указанию было проведено испытание этого метода в экспериментальной скважине. Через день мы подняли обсадную колонну, разрезали ее нижнюю часть и увидели, что металл не скреплен цементом. Мешки не разорвались при падении – в этом была суть ошибки.

Английские специалисты пришли в ужас. Проведенный нами эксперимент убедил их, что данный метод непригоден, а законсервированные таким образом скважины можно легко восстановить и получать нефть. Наши же специалисты разработали по-настоящему радикальный способ ликвидации скважин, который полностью себя оправдал.

Почти за полугодовой период оккупации нефтяных промыслов Краснодарского края немцы не смогли восстановить ни одной скважины. Но и нам – после освобождения промыслов от фашистских войск – тоже не удалось их восстановить. Пришлось бурить новые.

Памятуя, что все подобные мероприятия следует проводить только с разрешения штаба Южного фронта, которому мы бы непосредственно подчинены, я вылетел на небольшом самолете У-2 в Армавир. Там, как мне сообщили, находился штаб командующего Южным фронтом С.М. Буденного, после того как был оставлен Ростов.

С высоты развернулась страшная панорама отступления наших войск. Внизу пылали хутора и станицы, армейские части отходили где колоннами, где разрозненными группами. На задымленной земле рвались снаряды, стояла брошенная техника. Над Армавиром я с тревогой глянул вниз: «На аэродроме – танкетки! Немецкие танкетки!» А пилот тем временем шел на посадку.

– Что ты делаешь?! – закричал я, не слыша своего голоса в

треске мотора. – Поднимайся! Немцы!

– Нет! – пилот обернулся, покачал головой: – Это наши!

Но я-то видел в бинокль на боковинах танкеток белые кресты, а потому выхватил наган и приставил его к затылку пилота.

– Ах, мать честная! – закричал я не своим голосом – Если сядешь – застрелю!

Пилот сдрейфил и, набрав высоту, взял курс на Краснодар.

– Что же ты делал, сукин сын? – спросил я его на аэродроме.

– Товарищ Байбаков! – признался пилот. – Моя жена и дочь в Армавире.

Пилота хотели тут же расстрелять, но я вмешался – и его отправили на фронт, в штрафной батальон.

Штаб фронта я отыскал в станице Белореченской. Там и встретился с Буденным. Семен Михайлович в подштанниках и нательной рубашке отдыхал на завалинке. В довоенное время мы с ним уже встречались, когда он был заместителем наркома по сельскому хозяйству, – решали вопросы обеспечения вверенной ему отрасли нефтепродуктами. Между нами установились хорошие отношения. Он был приятным человеком.

– Семен Михайлович, давайте команду на уничтожение промыслов.

– Коля, не торопись. Моя кавалерия остановила танки.

Когда мы направились к двухэтажному дому, кавалеристы, стоявшие у плетня кучкой, возбужденно переговаривались…

– Она вертится, проклятая, а я ее горючкой и, шарахнул. Они, как крысы, повыскакивали.

– А я их шашкой достал, – усмехнулся черноглазый кубанец. – И чтоб они нас?.. Ни в жизнь!..

Кавалеристы видели, как быстро крутится танкетка на месте, но смекнули, что маневренность лошади больше, и им удалось поджечь бутылками с горючей смесью десять танкеток на подступах к реке Белой, а Буденному доложили, что уничтожили танки.

Не обошлось, конечно, без жертв и с нашей стороны – погибло несколько кавалеристов.

– Семен Михайлович, имейте в виду, что тылы немецкие отстали, а это передовые части, и они увлеклись. Я с самолета видел…

Буденный медлил с разрешением на проведение спецмероприятий на нефтепромыслах. Он, видимо, продолжал верить, что кавалерия остановит немцев. На самом деле положение оказалось более сложным: я видел, как быстро отходили наши войска. Вспомнил, как Сталин покрутил пальцем у виска, давая понять «ищи сам альтернативу на месте», и решил

действовать с учетом ситуации. Здесь я на сто процентов был убежден, что мы немцев не задержим, а они, захватив нефть, смогут обеспечить свой фронт горючим, и это будет содействовать исходу войны в пользу гитлеровцев. По телефону я дал нефтяникам приказ – приступить к уничтожению скважин, а сам сел в машину и направился на промыслы. Не успел я доехать до станицы Апшеронской, как меня разыскал по телефону член военного совета Южного фронта Каганович и дал команду приступить к ликвидации промыслов, тем самым укрепив меня в собственной правоте. Работы развернулись полным ходом под боком у немцев, ибо они уже подошли к станице Апшеронской, где начинались нефтепромыслы Краснодарского края. Электростанцию в Апшеронской уничтожали под автоматным и пулеметным обстрелом гитлеровцев.

Трудно передать состояние людей, взрывавших то, что недавно создавалось своими руками. При подрыве первых нефтеперекачивающих и компрессорных станций невозможно было сдержать слезы. Но понимая, что врагу не должна достаться наша нефть, мы быстро и вовремя реализовали все разработанные мероприятия.

С приближением фронта был организован демонтаж предприятий и нефтяного оборудования, которые отправлялись на Восток. До августа 1942 года нам удалось эвакуировать в восточные районы около 600 вагонов с таким оборудованием, а также вывезти добытую сырую нефть для переработки в Грозный.

В Хадыжах – центре нефтяной промышленности края – взрывники и специалисты-нефтяники подчищали последние «мелочи», когда прибыл Каганович. Сюда из станицы Белореченской перебазировался штаб фронта, и Каганович на правах члена военного совета осматривал промыслы. Ни одна скважина уже не работала, а значительная часть наземного оборудования – компрессоры, станки-качалки, электрооборудование – была заранее, до уничтожения скважин, демонтирована и вывезена, здания взорваны.

Дотошно ознакомившись с консервацией одной из скважин, Каганович поинтересовался:

– Сколько потребуется времени, чтобы снова пустить скважину?

– Трудно сказать, пожалуй, легче пробурить новую скважину… – ответил я.

Ровно через сутки наступила критическая минута – необходимо было уничтожить все, что подлежало уничтожению в последнюю очередь. С промыслов мне сообщили, что в районе Кабардинки появились немецкие части, идет перестрелка,

уничтожаются последние объекты. Учитывая близость немецких войск срочно сообщил Кагановичу о том, что есть угроза прорыва немцев в районе Хадыжей, где находился штаб фронта.

– Что вы паникуете! – кричал Каганович по телефону.

– Посылайте разведку, убедитесь.

– Войска надежно держат район! – не слушая возражений, кричал он.

Однако не прошло и пятнадцати минут, как был дан приказ о срочной эвакуации штаба фронта в Туапсе. Мы же остались, чтобы полностью уничтожить остатки промыслов, и, только когда взорвали последний объект – электроподстанцию, двинулись в путь, по Малому Кавказскому хребту В связи с интенсивным обстрелом и бомбежками единственной дороги Хадыжи – Туапсе мы пробирались до Туапсе лесами и горными дорогами. Уходили с теми, кто потом должен был остаться у партизан.

В тылу немецко-фашистских войск, на территории Краснодарского и Ставропольского краев, действовало более ста сорока партизанских отрядов и групп. Одна из главных задач заключалась в том, чтобы не дать захватчикам начать добычу нефти. Гитлеровцы уже успели создать в Германии акционерное общество «Немецкая нефть на Кавказе», но практически ничего не получили: за время их пребывания на Кубани им не удалось восстановить ни одного промысла, ни одной скважины. Кроме того, после освобождения этой территории был обнаружен значительный запас труб, завезенных из Германии для разработки нефтяных месторождений. Трубы эти пригодились советским нефтяникам для восстановления промыслов.

Наш отряд возглавлял секретарь Хадыженского райкома партии Хомяков. Спустя несколько дней мы появились в Туапсе. К этому времени нас уже «похоронили», и на запрос Наркомата нефтяной промышленности, который находился в Уфе, из Туапсе сообщили, что Байбаков с группой нефтяников, выполнявших спецмероприятия, погибли. Каково было нашим семьям, которые были извещены об этом! Моей жене, Клавдии Андреевне, жившей в это время в Уфе с маленькой дочкой Таней, также пришлось пережить мою «гибель».

Но, несмотря на все перипетии, было сделано главное – выполнено задание Государственного Комитета Обороны. Наша группа перебазировалась в Грозный, неподалеку от которого в районе Малгобека в начале сентября 1942 года шли ожесточенные бои.

В Грозный мы добрались, когда немцы оккупировали Моздок и дошли до станицы Червленой. Здесь они были остановлены – во многом благодаря пополнению, срочно переброшенному из

Сибири по Турксибу через Каспий на Махачкалу. Надо сказать, что около Грозного по приказу Сталина поставили заслон и отступающих расстреливали. Да и сменивший Буденного на посту командующего фронтом генерал Н.Н. Петров быстро овладел ситуацией. Помогло также подкрепление в виде английских штурмовиков – «мустангов», которые господствовали в небе.

Немцы же выдыхались, поддержки с воздуха у них не было, горючее иссякло. Прибывшие из рейха специалисты-нефтяники, как ни пытались, не смогли получить на краснодарских промыслах для своих нужд ни литра нефти. Фашистам удалось частично оккупировать малгобекский промысел, но мы успели вывести его из строя, и он достался им «пустым».

После поражения под Сталинградом немцы поняли, что невозможно прорваться к нефти Грозного, и по приказу Гитлера начали бомбить грозненские нефтеперерабатывающие заводы. Более 80 бомбардировщиков типа «фокке-вульф» провели тремя заходами массированный налет на заводы.

Бомбежка застала нас на пути с нефтяных промыслов на нефтеперерабатывающие заводы. Мы укрывались в придорожных кюветах, не раз засыпало нас землей, а наша машина вся была изрешечена осколками бомб.

Нефтеперерабатывающим заводам был нанесен огромный ущерб – большая часть из них вышла из строя, хотя некоторое оборудование удалось эвакуировать на Восток до той бомбежки.

Находясь в последующие дни на командном пункте, я дважды наблюдал ожесточенные атаки немецких частей. Все они были подавлены огнем нашей артиллерии и авиации. На моих глазах уничтожили несколько тысяч пехотинцев противника. В результате наступление немцев на этом участке фронта было остановлено.

В сентябре я вернулся в Москву, а вскоре отбыл в Уфу. Не сразу мне удалось обрести нормальное состояние духа – перед глазами всплывало все виденное и пережитое: кровь, убитые, страшные разрушения.

В Москве был создан специальный штаб наркомата по обеспечению фронта горючим, и мне, как заместителю наркома, поручили его возглавить. В состав штаба вошли представители Наркомата обороны и нефтесбыта. Особенно запомнился мне Андрей Васильевич Хрулев – начальник Главного управления тыла Красной Армии. Человек энергичный и очень обязательный, занимался он материально-техническим снабжением всех фронтов и, как уполномоченный Государственного Комитета Обороны, отвечал за все виды снабжения, в том числе и топливо. Собирались мы чуть ли не каждый день и принимали решения,

сколько и куда направить горючего. Работали четко, и я не помню случая, чтобы был допущен срыв поставок.

Нефтепродукты транспортировались по Каспийскому морю в Красноводск и Гурьев, а далее по железной дороге на все фронты и в другие районы. Чтобы обеспечить железные дороги цистернами, их нередко переправляли из Баку в Красноводск по морю на плаву при помощи буксиров. Из-за перебоев с вывозом нефти и нефтепродуктов бакинские нефтехранилища оказались переполненными, большое количество скважин было законсервировано, а стране требовалась нефть во все возрастающих количествах – без нее нельзя было ни воевать, ни тем более победить.

Государственный Комитет Обороны поручил бакинским нефтяникам перебазироваться в необжитые восточные нефтяные районы для форсирования там добычи нефти.

В сложившейся военной обстановке партия и правительство, придавая особое значение интенсивному развитию нефтяной промышленности на Востоке страны, решают в сжатые до предела сроки создать в районах Второго Баку – в Башкирии, Куйбышевской и Пермской областях, в районах Средней Азии и Казахстана – новые нефтяные промыслы, нефтеперерабатывающие заводы, чтобы возместить потери из-за временного прекращения деятельности украинских и кавказских нефтяных районов.

К слову сказать, роль восточных районов в общей добыче нефти страны начала подниматься еще до войны. Уже тогда партия, реализуя решения XVII и XVIII съездов, делала все возможное для развития новых нефтяных регионов. Но создавшиеся в 1942 году условия вызвали необходимость осуществлять эти предначертания предельно быстро. И вот тогда Государственный Комитет Обороны обратился к бакинским нефтяникам с призывом перебазироваться в необжитые, перспективные нефтяные целины, для всемерного форсирования добычи нефти.

Страна видела в бакинских нефтяниках гвардейцев, способных совершить величайший трудовой подвиг!.. И тем больше была их ответственность.

В то время я, будучи заместителем наркома нефтяной промышленности, был назначен уполномоченным ГКО по перебазированию нефтяной промышленности кавказских районов на Восток.

В оперативные группы по осуществлению этой директивы ГКО входили М.А. Евсеенко, Ф.С. Поповин, С.А. Везиров, С.А. Оруджев, Э.И. Тагиев, В.С. Федоров, А.И. Сорокин, С.С. Апряткин,

Н.С. Бывших, Л.И. Лобода, Г.Л. Лещенко и другие.

Работа предстояла нелегкая. Люди, непривычные к суровому северному климату, снимались с родных мест и двигались навстречу трудностям. На нескончаемых дорогах они мерзли, болели и иногда даже умирали. Но эти люди знали, что раз партия решила – значит, это нужно, необходимо Родине, всему советскому народу.

Около десяти тысяч бакинских нефтяников, весь цвет нефтяной промышленности Азербайджана – мастера бурения, мастера по добыче нефти и по ремонту скважин, люди, влюбленные в свою профессию, свой нелегкий труд, большинство с семьями, организованно выехали в восточные районы. У отъезжающих не было теплой одежды. Их обеспечили лишь продуктами питания на время нахождения в пути и денежным пособием. От причала бакинского порта пассажирские суда и танкеры с оборудованием и людьми отправлялись до Красноводска, оттуда поездами к месту назначения, в основном в Башкирию, Пермскую и Куйбышевскую области.

Прошло уже более пятидесяти лет, и сейчас сами участники перебазирования удивляются, как организованно, в сжатые сроки удалось осуществить это «великое переселение» с минимальными потерями в технике и людях и прямо «с колес» начать бурение на новых площадях.

На базах Азтехснабнефти все прибывшее с разведок и буровых участков оборудование бегло осматривали, наскоро доукомплектовывали, маркировали, грузили на каспийские баржи и отправляли с проводниками на астраханский рейд и далее перегружали на волжские баржи. После закрытия навигации на Волге дальнейшая переброска грузов осуществлялась через Красноводск.

Всеми этими работами круглосуточно руководил заместитель начальника Азтехснабнефти В.С. Саркисов. На пароходах, буксировавших баржи с грузами, следовали рабочие контор бурения, мастера, инженерно-технические работники, служащие и члены их семей.

Сорок партийных работников, хорошо знающих нефтяную промышленность, получили назначение на работу в восточные нефтяные районы страны, среди них Агарунов, Бабаев, Давыдов, Миронов, Вартанов, Бабуров, Шевелев, Саркисов, Яковлев, Сергеев, Канов, Быстрова, Годунов, Леонтьев, Дадаян, Колесников и другие.

Из Баку в Краснокамск выехала Экспериментальная контора турбинного бурения, созданная накануне войны и успевшая пробурить в Баку лишь несколько экспериментальных, наклонно

направленных скважин на Баилове и в Сураханах. В непривычно суровых условиях Пермского Прикамья бакинцы сразу же развернули бурение наклонно направленных скважин, одновременно дорабатывая конструкцию турбобура и технологический процесс.

Благодаря большой энергии, инициативе и личному вкладу директора ЭКТБ Э.И. Тагиева, главного инженера Р.А. Иоаннесяна, главного технолога М.Т. Гусмана, инженеров Н.И. Буяновского, Я.А. Гельфгата, Т.Ф. Рустамбекова, А.И. Григоряна и других турбинное бурение, зародившееся в Баку, получило право гражданства на Урале, а затем широкое распространение во всей стране.

Главный инженер треста А.Ф. Рустамбеков вместе с главным механиком О.А. Межлумовым и небольшой группой оперативных работников были временно оставлены в Баку для организации отправки оставшихся грузов.

На новых местах, в условиях непривычно сурового климата и тяжелых испытаний военных лет еще раз выдержали проверку волевые качества бакинских нефтяников – истинных бойцов тыла.

Бакинские нефтяники в кратчайшие сроки включились во всемерное форсирование разведочных работ, добычу и переработку нефти в районах Второго Баку.

И, забегая вперед, скажу, что уже в 1944–1945 годах на Урале, в Татарии, Башкирии, Куйбышевской области и в Туркмении забили первые мощные фонтаны, в открытии и усмирении которых большую роль сыграл самоотверженный труд и бакинских геологов, буровиков, инженеров.

Свой опыт в восточных районах страны передавали В. Шашин, Э. Тагиев, М. Гусман, Р. Иоаннесян, Н. Буяновский, Я. Гельфгат, Ш. Дадашев, В. Каламкаров, С. Кувыкин, Г. Ованесов, М. Сидоренко, Н. Калмыков, Д. Такоев, С. Асланов, З. Сахаров, А. Туманов, К. Стукалов, Ф. Поповин, С. Апряткин, С. Чеплаков и многие другие.

…А фронт все далее отодвигался от Баку. Уже в середине декабря 1942 года после окружения в районе Сталинграда 300-тысячной армии Паулюса и грандиозного контрнаступления Красной Армии ГКО принял решение о возобновлении буровых работ на площадях Баку, ибо нельзя было смириться с вынужденным снижением добычи кавказской нефти.

С конца 1943 года началась интенсификация буровых работ, возрождено было и нефтеразведочное бурение. В последние месяцы 1944 года бакинские заводы нефтяного машиностроения почти полностью обслуживали нужды нефтяной промышленности.

К концу Отечественной войны расширились геологоразведочные работы в Бакинском районе: кроме Апшеронского полуострова, они начали проводиться в Кировабадском, Прикуринском и Прикаспийском районах.

Было решено немедленно организовать четыре новые конторы бурения в Орджоникидзевском, Кировском, Сталинском и Карадагском районах. Вначале оборудование приходилось собирать буквально по крохам. Затем подоспело небольшое количество американского оборудования. Кадры подбирали из ветеранов и пенсионеров, а также из возвращавшихся с фронта инвалидов.

Бурильщиками и их подсобниками работали женщины, девушки, подростки.

В таких условиях трудно было ожидать быстрого восстановления довоенного уровня эксплуатационного бурения. И вновь Государственный Комитет Обороны пришел на помощь нефтяникам Баку. Единовременно в нефтяную промышленность были призваны тысячи юношей, которых освобождали от призыва в ряды Красной Армии. Из их среды впоследствии выросли такие прославленные мастера бурения и добычи нефти, строительства и ремонта скважин, как Герои Социалистического Труда Курбан Абасов, Юсуф Фарзамиев, Мамед Гамбаров, Гарат Амиров и другие.

ГКО также принял решение о досрочной демобилизации из действующей армии высококвалифицированных специалистов-нефтяников. Из госпиталей выздоравливающие воины-нефтяники направлялись на трудовой нефтяной фронт. Тем временем Красная Армия, оснащенная к середине войны современными танками, самолетами, наводившими ужас на врага «катюшами» и другим победоносным оружием, гнала на запад потрепанные под Москвой, Сталинградом и Курском гитлеровские войска.

Но, как я уже сказал, разворот бурения не мог осуществиться сразу, несмотря на все принятые меры, – для этого требовалось время. Нужны были оборудование и инструмент для восстановления ликвидированных и простаивающих скважин, которых было свыше 4000.

И добыча нефти в Баку продолжала снижаться. В таком тревожном положении партийная организация республики возглавила борьбу нефтяников за увеличение объемов разведочного бурения, подъем добычи и переработки нефти. На машиностроительных заводах круглосуточно изготовлялось оборудование и инструмент: лебедки, роторы, вертлюги, насосы, долота и т. д. Рабочие, мастера и специалисты, воодушевленные победами на фронтах Великой Отечественной войны, делали,

казалось, невозможное для повышения скоростей проходки, пуска скважин, увеличения добычи нефти.

Партия и правительство высоко оценили подвиг нефтяников Азербайджана в годы Великой Отечественной войны. Дважды в ходе войны (1942, 1944 годы) большие группы наиболее отличившихся рабочих, мастеров и специалистов республики награждались орденами и медалями СССР.

За выдающиеся успехи в подъеме добычи нефти в годы войны первыми среди нефтяников республики высокого звания Героя Социалистического Труда были удостоены: С.А. Везиров – начальник Азнефтекомбината, Р.Г. Исмайлов – начальник объединения «Азнефтезаводы», Б.К. Бабазаде – главный геолог Азизбековнефти, буровой мастер Рустам Рагимов. Десятки передовиков производства были награждены орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, «Знак Почета». Ордена Ленина были удостоены передовые коллективы 11-го промысла Лениннефти, 4-го промысла Сталиннефти, НПЗ № 423, машиностроительного завода им. лейтенанта Шмидта; ордена Трудового Красного Знамени коллектив 4-го промысла Карадагнефти; 448 бакинских нефтяников получили правительственные награды.

За систематическое выполнение планов и заданий фронта, за проявленный коллективный трудовой героизм в тылу десятки передовых промыслов и заводов Баку неоднократно удостаивались переходящих Красных знамен ГКО. Только в 1943 году коллективы предприятий нефтяной промышленности Азербайджана 99 раз выходили победителями во Всесоюзном социалистическом соревновании нефтяников, 26 раз удостаивались переходящего Красного знамени Государственного Комитета Обороны и 29 раз – первых премий.

Война нанесла большой урон нефтепромыслам. Как я уже говорил, вынужденная консервация значительного числа скважин в связи с нарушением транспортировки нефти обернулась впоследствии бедой – многие из них не удалось восстановить. На всех участках производственной деятельности ощущался недостаток квалифицированных рабочих. В результате добыча нефти в Азербайджане к концу войны резко сократилась: в 1945 году здесь было добыто лишь 11,5 миллиона тонн нефти против 23,5 миллиона тонн в 1941 году.

Положение усложнялось тем обстоятельством, что старые нефтяные месторождения, эксплуатировавшиеся многие десятки лет, вступили в период поздней разработки со сложными условиями (высокая обводненность, обильное пробкообразование, влияние солей, парафина, эмульсии, коррозии и др.) и для

поддержания добычи на них требовалось более активное использование вторичных методов добычи нефти, поддержание пластовых давлений. Необходимо было усилить дальнейшую разведку и оконтуривание глубокозалегающих нефтяных пластов на действующих площадях, а также ускорить выявление и подготовку к разработке новых нефтяных и газовых месторождений. Чтобы все это осуществить, нужна была реорганизация нефтяной промышленности: перевод ряда оборонных заводов на выпуск нефтяного оборудования, техническое перевооружение промыслов, расширение объемов разведочного и эксплуатационного бурения и т. д.

В решении этих задач проявилась глубокая мудрость и прозорливость политики нашей партии и правительства. Специальными решениями ГКО заводы страны были переключены на выпуск технически более совершенного и мощного бурового и высокопрочного эксплуатационного оборудования.

В 1944 году было принято постановление о создании треста морского бурения для поисков, разведки и подготовки к разработке значительных месторождений, скрытых под водами Каспийского моря.

В результате проведения морских работ в пределах Апшеронского архипелага были открыты новые месторождения: Гюргяны-море, о. Жилой, банка Дарвина, Нефтяные Камни, о. Песчаный, банка Южная; а на Бакинском архипелаге – о. Дуванный, Сангачалы, о. Булла и др.

К концу 1944 года во всех нефтедобывающих трестах республики были восстановлены конторы бурения. Уже в начале 1945 года началась разработка богатейшего Бузовны-Маштагинского нефтяного месторождения, был открыт и подготовлен к разработке ряд новых месторождений: Бина-Гоусанское, Карадагское, Зыринское, Умбакинское, Кюрсангинское и другие нефтяные и газоконденсатные месторождения.

И я уверен, что слова: «Никто не забыт, ничто не забыто» – мы в равной степени относим ко всем, кто отдал свою жизнь за свободу и независимость нашей Родины, сражаясь с врагом на фронте, в партизанских отрядах, и к тем, кто в глубоком тылу сеял хлеб, добывал нефть и уголь, варил сталь, делал самолеты, танки, пушки – одним словом, тоже ковал победу над врагом, отказывая себе во всем.

Тяжелейшие испытания, которые принесла нашему народу война, послужили в то же время как бы проверкой «на прочность» всей нашей народнохозяйственной социалистической системы, составной и важнейшей частью которой является топливная

промышленность, в том числе нефтяная и газовая.

К началу Отечественной войны наша нефтяная промышленность достигла наиболее высокого уровня и по добыче нефти, и по ее переработке за все время своего существования.

В Центральном Комитете партии, в Государственном Комитете Обороны были известны стратегические планы гитлеровского командования, предусматривавшие захват наших нефтяных богатств Кавказа. Развязав одну из самых кровавых войн в истории человечества, гитлеровский рейх испытывал острую нужду в нефтепродуктах. Еще до войны в Германии было организовано производство искусственного жидкого топлива из угля.

В 1941 году Германия имела собственного горючего около восьми миллионов тонн (в основном синтетического). Кроме того, в ее распоряжении были жидкое топливо и смазочные материалы Франции, Бельгии и Голландии. И все же проблема горючего стояла очень остро, почему нацисты и возлагали большие надежды на захват нефтяных промыслов Кавказа и Закавказья. Характерно, что уже на двенадцатый день войны, 3 июля 1941 года, начальник генерального штаба сухопутных войск Гальдер записал в дневнике выступление Гитлера перед генералитетом вермахта: «Пришло время заглянуть вперед. Речь идет об открывающейся возможности завладеть Донбассом и Кавказским нефтяным районом. Для операции на Кавказе потребуются крупные силы, но за нефть следует заплатить любую цену. Тем более что захват Кавказа позволяет оккупировать Иран, оседлать перевалы на ирано-иракской границе…»

Как видно, планы у гитлеровцев были поистине планетарными.

Нашей нефтяной промышленности, как и другим отраслям народного хозяйства, немецко-фашистские захватчики нанесли большой ущерб. В 1942 году были полностью выведены из строя промыслы в Краснодарском крае, прекращена добыча нефти в Грозненском районе, а промыслы его частично разрушены.

Хочу отметить, и не раз еще повторю, что, несмотря на временную оккупацию некоторых нефтяных районов, сокращение снабжения оборудованием и материалами, трудности с кадрами, советские нефтяники в годы войны с честью справились с возложенной на них задачей – бесперебойно, не жалея сил, обеспечивали фронт и тыл горючим и смазочными материалами.

В суровых, тяжелейших условиях зимы 1942/43 года закалялась дружба нефтяников – представителей всех народов СССР, трудившихся во имя спасения нашей Родины. Патриотическое чувство всех нефтяников хорошо выразили

рабочие ишимбайского нефтепромысла в своем обращении в Государственный Комитет Обороны: «Мы знаем, что значит нефть в войне. Пусть мы далеки от боевых действий фронтов, но мы являемся той же самой боевой армией и дадим стране нефти столько, сколько ей потребуется. Все силы на выполнение и перевыполнение плана. Каждая тонна нефти – это наш залп по Гитлеру».

Великая Отечественная война – война моторов – предъявляла большие требования к качеству нефтепродуктов. Технический прогресс в области моторостроения, в частности авиационного, потребовал резкого улучшения качества моторного топлива. Над всем этим неустанно творчески работал большой коллектив нефтепереработчиков. Благодаря усовершенствованию технологических процессов, рацпредложениям удалось значительно увеличить отбор светлых нефтепродуктов, количество и улучшить качество получаемых на их основе масел.

…Дорога в центр страны по Волге открылась для бакинской нефти лишь после разгрома гитлеровцев под Сталинградом. С июля 1942 года навигация по Волге была прервана, и доставка нефтепродуктов по ней из Баку прекратилась. Одновременно прервалась доставка нефтепродуктов из Баку, Грозного и Туапсе по железной дороге через Тихорецкую – Ростов.

Оказался на территории, временно оккупированной фашистскими захватчиками, продуктопровод Армавир – Трудовая. Не работала на полную мощность и Махачкалинская база. Поскольку прямой путь через Махачкалу и Астрахань был отрезан, нефтепродукты транспортировались через Красноводск и Гурьев, далее по железной дороге через Среднюю Азию и Казахстан. Чтобы обеспечить железную дорогу (среднеазиатскую) цистернами, котлы цистерн переправляли из Баку в Красноводск по морю на плаву при помощи буксиров.

Такой путь, комбинированный и огромной протяженности, был нелегким. Значительная часть перевозимого топлива уходила на транспорт, работавший на паровозной тяге. Во время сильных штормов происходили перерывы в транспортировке. Здесь хочется еще раз подчеркнуть, что в этих условиях поистине неоценимой становилась роль той нефти, которая добывалась и перерабатывалась на месте нефтеперерабатывающими заводами Центра и Поволжья.

После победы под Сталинградом для бакинских нефтепродуктов и сырой нефти был проложен трубопровод Астрахань – Саратов с использованием труб и насосных станций разобранного трубопровода Баку – Батуми, этот трубопровод был построен во время боев под Сталинградом в рекордно короткие

сроки.

Вспоминается в этой связи еще одно, поистине творческое решение – снабжение топливом осажденного Ленинграда. После того как весной 1942 года прекратилась связь с городом по льду, для снабжения защитников Ленинграда и его жителей горючим менее чем за 50 дней по дну Ладожского озера, можно сказать, под носом у немцев был проложен трубопровод длиной в 28 километров и пропускной способностью 400 тонн нефтепродуктов в сутки. Он обеспечивал топливом Ленинградский фронт и город более двух с половиной лет. Нельзя при этом не вспомнить о большой помощи, которую оказывал в строительстве этого трубопровода уполномоченный Госплана СССР по Ленинградской области Л.М. Володарский.

В начале войны, как известно, мы понесли большие потери. Достаточно сказать, что на территории, оккупированной к концу 1941 года, до войны находилось около 40 процентов всего населения страны, было сосредоточено 63 процента союзной добычи угля, 68 процентов всей выплавки чугуна, 60 процентов – алюминия, а всего – мощности по выпуску 38 процентов промышленной продукции и производству значительной доли продукции сельского хозяйства.

В результате военных потерь и эвакуации предприятий на Восток с июня по ноябрь 1941 года объем промышленного производства в стране уменьшился примерно вдвое.

Постановлением Государственного Комитета Обороны комиссии под руководством Н.А. Вознесенского уже 4 июля 1941 года было поручено выработать военно-хозяйственный план обеспечения страны, имея в виду использование ресурсов и предприятий, существующих на Волге, в Западной Сибири и на Урале, а также вывозимых в указанные районы в порядке эвакуации. Уже через неделю после начала войны был принят первый план военного времени – «Мобилизационный народнохозяйственный план» на III квартал 1941 года, в августе – «Военно-хозяйственный план» на IV квартал 1941 года и на 1942 год по районам Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии. На протяжении всей войны ГКО наряду с годовыми народнохозяйственными планами рассматривал и утверждал квартальные и месячные планы, которые занимали основное место в текущем планировании. Госплан СССР через своих уполномоченных в краях и областях страны осуществлял по поручению ГКО строгий контроль за своевременным выполнением планов производства и поставок продукции для нужд фронта.

В самый тяжелый период войны пришлось спешно вывозить на Восток заводы. Эвакуация была осуществлена со сравнительно

небольшими потерями, хотя полное восстановление заводов продолжалось весь период войны. На базе эвакуированного оборудования появились нефтеперерабатывающие заводы в Сызрани, Краснокамске, Красноводске, были расширены Орский и Ишимбайский нефтезаводы. К концу 1942 года завершилось строительство нового нефтеперерабатывающего завода в Комсомольске-на-Амуре.

Особенно хочется отметить грозненских нефтепереработчиков, которые увеличили выпуск авиационного бензина Б-78 по сравнению с первым полугодием 1941 года в 2,5 раза, а бензина Б-74, который в первом полугодии не вырабатывался, было произведено 16,9 тысячи тонн. В результате годовой план по выработке авиационного бензина промышленность Грозного перевыполнила, несмотря на то что в последние месяцы 1941 года осуществлялись массовый демонтаж заводов и подготовка их к эвакуации. Кстати, по этой причине в 1942 году общее производство авиационных бензинов, за исключением наиболее качественного бензина Б-78, несколько сократилось. В дальнейшем же оно непрерывно увеличивалось. Здесь необходимо подчеркнуть, что непрерывное увеличение выработки авиабензинов и улучшение их качества – величайшая общепризнанная заслуга нефтепереработчиков.

Кроме горючего и смазки советская нефтяная промышленность производила еще такие специальные продукты, как толуол, из которого изготовлялись взрывчатые вещества. Огромный каждодневный расход снарядов, бомб, мин, торпед говорит об исключительной важности этой отрасли нефтяного дела.

Новые методы, усовершенствование технологических процессов, всевозможные рацпредложения – в общем, неустанная творческая работа большого коллектива нефтепереработчиков позволила значительно повысить количество и качество масел, отбор светлых нефтепродуктов, снизить расход серной кислоты для некоторых процессов и т. д.; из отходов нефтепереработки стали изготовлять различную полезную продукцию. Вообще нужно сказать, что изобретатели и рационализаторы проявляли большую активность: лишь за 1942 год было внедрено свыше 2 тысяч новых предложений, экономия от которых составила более 80 миллионов рублей за год, кроме того, была достигнута значительная экономия металла, электроэнергии, топлива.

Величайшими усилиями трудящихся нашей страны уже в 1942 году был не только восстановлен, но и даже превзойден довоенный уровень производства военной техники. Валовая же продукция всей промышленности с января по декабрь 1942 года

выросла более чем в 1,5 раза, а в 1943 году против 1942 года увеличилась на 17 процентов (в предвоенное время ежегодные темпы роста валовой продукции промышленности составляли 15–17 процентов).

В 1942–1943 годах была решена и проблема обеспечения природным газом оборонных заводов, расположенных вокруг Куйбышева и Саратова. Вблизи Куйбышева за счет эвакуации оборонных предприятий из западных районов страны был создан промышленный центр Безымянка, в котором сосредоточили главным образом авиационные заводы. В короткие сроки для обеспечения его топливом был построен газопровод, и газ с Бугурусланских месторождений поступал на ТЭЦ и заводы. Из этого района на фронт было отправлено много новой военной техники, в том числе знаменитые штурмовики ИЛы, которые фашисты окрестили «черной смертью».

В тот период, когда шла битва за Сталинград, всего за один месяц был сооружен и газопровод Саратов – Куйбышев, по которому шел газ с открытого саратовскими геологами месторождения Елшанка.

На строительстве нефте– и газопроводов, на промыслах люди работали и днем и ночью, нередко под обстрелом фашистских самолетов.

В 1942 году впервые за войну большая группа нефтяников была награждена орденами и медалями. Я горжусь, что именно в то суровое время получил свою первую высокую награду – орден Ленина.

Перестройку народного хозяйства в период войны проводил Государственный Комитет Обороны, который возглавлял, как известно, И.В. Сталин.

Многие спрашивают: каким он был государственным деятелем? Мне трудно давать ему обобщающую оценку. Приведу здесь лишь впечатления, относящиеся к моему назначению наркомом нефтяной промышленности. Это было в 1944 году, назначение на эту должность со мной предварительно не обсуждалось. Только через три месяца Сталин вызвал меня для беседы по поводу состояния дел в нефтяной промышленности. В Кремле, в приемной Сталина, заведующий секретариатом А.Н. Поскребышев попросил меня немного подождать, так как Сталин был занят в своем кабинете поиском какой-то книги. Дважды Поскребышев заходил к нему и, возвращаясь, вновь просил меня подождать, а когда вернулся в третий раз, сказал:

– Товарищ Сталин, видимо, нашел нужную книгу и читает, стоя на стремянке. Вы войдите, кашляните, чтобы он услышал.

Не без волнения вошел я в кабинет. Сталин действительно

стоял на стремянке спиной ко мне и читал какую-то книгу. На нем был серый френч и – что особо бросилось в глаза – худые шевиотовые сапоги. Меня это буквально сразило. Генеральный секретарь, Верховный Главнокомандующий – в дырявых сапогах. Конечно, известно, в каком тяжелом положении находилась страна, но дырки в сапогах, во всяком случае, можно было залатать. Я постоял с минуту, затем кашлянул в кулак.

Сталин оглянулся.

– А, это вы, молодой человек, товарищ Байбаков, – проговорил он, сделав ударение на втором слоге фамилии. Поставив книгу на стеллаж, Сталин спустился по стремянке, пожал мне руку, предложил сесть за стол и, закурив трубку, начал ходить по кабинету.

– Товарищ Байбаков, мы назначили вас наркомом нефтяной промышленности…

Откровенно говоря, меня с самого начала не удивило это решение. Предыдущий нарком, бывший секретарь Ивановского обкома ВКП(б), не был нефтяником и, видимо, не вполне удовлетворял требованиям Государственного Комитета Обороны, а потому и был смещен. Значит, назначая меня, полагались на мой опыт и знания? Но дело ответственное, могли бы и спросить: хочу ли и сумею ли я руководить наркоматом?

Я набрался смелости и сказал:

– Товарищ Сталин, перед моим назначением, никто даже не поинтересовался, сумею ли справиться?..

Сталин, попыхивая трубкой, ответил:

– Товарищ Байбаков, мы знаем свои кадры, знаем, кого и куда назначать. Вы коммунист и должны помнить об этом.

Разговор зашел о тяжелом положении в народном хозяйстве в связи с разрухой в освобожденных районах и о топливном голоде. Задал Сталин вопрос, касавшийся нефтяной промышленности. Положение наше было незавидным. Мы вошли в войну с годовой добычей нефти 33 миллиона тонн, а выходили из войны, добывая всего 19 миллионов тонн.

Затем Сталин задал вопрос, который меня несколько озадачил:

– Товарищ Байбаков, вы думаете, союзники не раздавят нас, если увидят возможность раздавить?

– А как они смогут нас раздавить?

– Очень просто, – ответил Сталин, – мы создали и танки, и самолеты, и машины. Много у нас захваченной техники. Но они же останутся без движения, если не будет нефти, бензина, дизельного топлива. Нефть – это «душа» военной техники. А я добавил, и всей экономики.

И действительно, с увеличением машинного парка возрастали потребности в горючем, а мы добывали нефти всего 19 миллионов тонн…

– А что нужно для увеличения добычи нефти? – спросил он и внимательно посмотрел на меня.

– Необходимо немедленно развивать новую нефтяную базу – Второе Баку, о чем говорилось до войны на XVIII съезде партии, – ответил я. – Для этого потребуются капиталовложения, материальные ресурсы, рабочая сила.

– Хорошо, – сказал Сталин. – Вы изложите конкретные просьбы в письменной форме. Я скажу Берии…

Сталин тут же набрал по телефону номер Берии – в то время первого заместителя Председателя Совета Народных Комиссаров, курирующего топливные отрасли, и сказал:

– Лаврентий, все, что попросит товарищ Байбаков для развития нефтяной промышленности страны, нужно дать.

Сталин отреагировал на мое предложение о том, чтобы некоторые заводы, производящие военную технику, начали изготавливать буровые станки, грязевые насосы и другое оборудование, назвав при этом некоторые из них. Он распорядился, чтобы Уралмаш и другие заводы наладили производство необходимого оборудования, Выражаясь современным языком, началась конверсия военных предприятий.

После обсуждения вопроса о возможностях быстрейшего подъема добычи нефти, длившегося более часа, Сталин под конец беседы спросил:

– Вот вы молодой нарком… Какими свойствами должен обладать советский нарком?

– Знание своей отрасли, трудолюбие, добросовестность, честность, опора на свой коллектив…

– Все верно, товарищ Байбаков, это очень нужные качества, но какие все-таки наиважнейшие?

Помню, что назвал еще несколько и смолк.

– Еще что? – покуривая, спросил Сталин.

– Товарищ Сталин, я весь арсенал качеств наркома назвал. Буду рад, если вы мне что-нибудь подскажете.

– Все правильно, товарищ Байбаков, – сказал он, подойдя ко мне, – но главного вы не сказали.

Я встал со стула, но он, коснувшись чубуком трубки моего плеча, посадил меня на место.

– У советского наркома должны быть «бичьи» нервы плюс оптимизм, – тихо проговорил он, заканчивая беседу.

Должен сказать, что я на всю жизнь запомнил эти слова Сталина. «Бичьи» нервы и оптимизм особенно мне были нужны,

когда в течение 22 лет я находился на посту председателя Госплана СССР. Требовались здесь даже не «бичьи», а стальные нервы, причем из легированной стали. Ну, а без оптимизма совсем пропал бы.

Когда я вышел из кабинета Сталина, поинтересовался у Поскребышева, почему Верховный Главнокомандующий ходит в худых сапогах.

– А вы заметили, где эти дырки? – спросил Поскребышев и, не дожидаясь ответа, продолжал: – Товарищ Сталин сам сделал эти дырки, чтобы не досаждали мозоли…

Надо сказать, что после этого памятного разговора со Сталиным наметился перелом в освоении и развитии Второго Баку. На помощь нефтяникам пришли работники многих заводов тяжелой промышленности различных регионов страны. Мне особенно хочется отметить Горьковскую область. Там, что называется, установили нефтяное оборудование, организовав его производство на высокой технической основе. На заводе, где директором был генерал Елян, создали специальный цех по производству грязевых насосов для буровых работ. Завод в Пермской области стал выпускать глубинные насосы, получившие высшую оценку нефтяников. Огромную помощь нефтяникам оказал Уралмашзавод, где, кстати говоря, начинал свою трудовую деятельность главным сварщиком, а затем стал начальником цеха и директором Николай Иванович Рыжков, возглавивший позднее правительство страны.

Этот завод наладил производство буровых станков – главного «оружия» буровиков. В качестве силового двигателя к буровым станкам уралмашевцы использовали двигатели танка Т-34. Так война «работала» на мирную жизнь. С организацией этого производства отлично справился директор завода В.Г. Музураков.

Сталин интересовался ходом развития нефтяной промышленности и нередко советовался со мной по телефону по тому или иному вопросу. Однажды, прочитав письмо от главного геолога нашего наркомата В.М. Синюкова, который утверждал, что для ускоренного открытия новых нефтяных и газовых месторождений необходимо применять так называемый метод бурения опорных скважин, Сталин позвонил мне и спросил: как я смотрю на это предложение и что оно может дать? Я сказал, что предложение заслуживает внимания, и хотя дело связано с немалым риском, так как закладка скважин, не подкрепленная детальными геологическими исследованиями, может привести к определенным потерям, тем не менее следует пойти на этот риск.

Обычно разведочные скважины на нефть и газ бурят вблизи районов, где они уже обнаружены, или в новых районах,

исследованных геофизическими методами, а геолог В.М. Синюков – доктор наук – предложил бурить скважины на огромной территории страны на большом расстоянии друг от друга без таких исследований.

Решение было принято, и, как мы вскоре убедились, метод оправдал себя: бурение опорных скважин ускорило открытие ряда новых нефтяных и газовых месторождений. Кстати, открытие в 1955 году Березовского газового месторождения на Урале было осуществлено именно методом бурения опорных скважин, что позволило в короткие сроки обеспечить промышленность и население Урала газом. Использование этого метода подтвердило также прогноз нефтегазоносности недр Западной Сибири, о чем еще раньше писал в своих работах академик И.М. Губкин.

Или такой пример. Перед войной в Германии были созданы крупные по тому времени заводы по производству бензина и дизельного топлива из угля методом его гидрогенизации под высоким давлением, достигающим 350–700 атмосфер. И однажды Сталин в беседе со мной сказал, что мы должны использовать оборудование, которое будет поступать из Германии с этих заводов, и создать у нас промышленность по производству такого же синтетического моторного топлива, тем более что мы располагаем большими запасами угля.

У нас в стране уже велись исследовательские работы по получению искусственного жидкого топлива, в связи с чем в 1943 году при Совнаркоме было создано специальное главное управление Главгазтоппром, на которое и возлагалась организация проектных и научно-исследовательских работ. Теперь же этому главку было поручено осуществить подготовку использования немецкого оборудования на заводах в Ангарске, Салавате и Новочеркасске. На строительство этих заводов Сталин дал всего два года. Посоветовавшись с руководителями главка В.А. Матвеевым, Ю.И. Боксерманом, П.В. Скафа и Ю.В. Волонихиным, мы попросили Сталина несколько отсрочить ввод этих объектов, однако он не согласился с нашими доводами и сказал, что окажет максимальную помощь в их строительстве. Вскоре он поручил Берии взять это решение под контроль и направить на эти стройки заключенных, а также привлечь к работе наркоматы монтажных и специальных строительных работ и машиностроения.

Вскоре в центре Сибири, вблизи Иркутска, на берегу реки Ангары, в окружении лесов, была выбрана площадка для нефтехимического комплекса. Здесь и развернулось строительство Ангарского комбината. На его сооружении работало около 80 тысяч человек. Жили они в утепленных

палатках и бараках. Возглавлял эту стройку генерал Булгаков.

Десятки тысяч людей строили производственные и вспомогательные корпуса, возводили технологические сооружения, прокладывали подземные и наземные коммуникации, строили жилье и другие социальные объекты. Работали в любую погоду – в снег и дождь, мороз и жару, по двенадцать часов в сутки.

В двухэтажном бревенчатом здании размещался штаб строительства, где работники Наркомата нефтяной промышленности под руководством моего первого заместителя В.С. Федорова, назначенного директором строившегося Ангарского комбината, ежедневно обсуждали ход работ и принимали неотложные меры по решению возникающих проблем.

Должен сказать, что с поставленной задачей строители и монтажники справились хорошо, правда, с опозданием, и Ангарский завод вступил в строй в 1949 году. Теперь это крупный нефтехимический комбинат, производящий широкую гамму различной продукции. Рядом с ним на берегу реки вырос город Ангарск, в котором проживают более 200 тысяч человек. В короткие сроки были построены и два других комбината – в Салавате и в Новочеркасске, которые также стали давать нужную продукцию.

Факт остается фактом, как бы ни оценивалось это сегодня: всего этого не достигли бы без жесткой партийной и государственной дисциплины. Все мы боялись не выполнить постановлений и распоряжений правительства, так как за каждый пункт этих документов отвечали «головой». За выполнением решений пристально следили партийные и правительственные контрольные органы. К тому же в этих целях в 1940 году был создан Народный комиссариат государственного контроля под руководством Л.З. Мехлиса.

В течение многих лет мне пришлось работать под руководством первого заместителя Председателя Совнаркома (а позже – Совета Министров СССР) Л.П. Берии, который курировал ряд отраслей народного хозяйства, в том числе и топливную промышленность. Иметь с ним дело было тяжело и опасно. Берия часто вызывал меня к себе в Кремль или на Лубянку для обсуждения вопросов нефтяной промышленности. Звоня по телефону, он редко здоровался, а начинал, как правило, так: «Как дела, Байбаков?», делая ударение на втором слоге, как и Сталин. Выслушав меня, тут же задавал те или иные вопросы, нередко позволял себе грубые выпады, не стесняясь в выражениях.

Однажды, заболев ангиной, я с температурой под сорок находился дома. Вдруг по «вертушке» позвонил Берия. Трубку

сняла моя супруга, Клавдия Андреевна. Она спросила, кто у телефона. Берия сквозь зубы назвал свою фамилию. Клавдия Андреевна не расслышала, попросила повторить. Тогда Берия разъярился: «Дура! Говорит Берия» – и потребовал меня к телефону. Жена сказала, что я простудился и лежу в постели с высокой температурой, на что он ответил, что «каждый дурак может простудиться – нужно носить галоши». (Из всех членов Политбюро в то время, насколько мне было известно, галоши носили только Берия и Суслов.)

Когда я взял телефонную трубку, Берия, не считаясь с состоянием моего здоровья, приказал вместе с наркомом внутренних дел Кругловым вылетать в Уфу, где на нефтеперерабатывающем заводе произошла серьезная авария. И уже через несколько часов, с высокой температурой, я очутился в Уфе…

Перестройка нефтяной промышленности на военный лад потребовала от нефтедобытчиков решения двух центральных задач. Первая из них – всемерно увеличить добычу нефти в старых нефтяных районах; вторая – резко усилить работы по разведке и разработке нефтяных месторождений на Востоке СССР, особенно в районах между Волгой и Уралом.

Великая Отечественная война серьезно изменила пути развития нефтедобывающей промышленности. Главным тогда стало увеличение производительности действующего фонда нефтяных скважин, экономия металла, в частности стальных труб и арматуры. Особенно большое значение имело продление срока службы скважин. По-иному решались и вопросы территориального размещения буровых работ, объемов бурения и его технологии. Военная обстановка потребовала перебазирования части нефтяных предприятий из южных районов страны в восточные и быстрейшего ввода в эксплуатацию Урало-Волжских месторождений. Необходимо было широко развернуть в этих районах эксплуатационное и разведочное бурение, поиски новых нефтяных залежей и быструю подготовку их к промышленной эксплуатации.

Итак, значительная часть оборудования и кадры буровиков были перемещены из южных районов в восточные. Бурильщики Майкопа, Грозного и Баку освоились с новыми для них условиями, и сотни скважин, пробуренных ими своим оборудованием, начали давать стране тысячи тонн горючего. После освобождения от гитлеровских захватчиков Северного Кавказа часть средств и кадров была переведена из восточных районов обратно в южные для восстановления добычи в Азербайджане, Краснодаре и Грозном.

В то же время бурение скважин требовало большого количества обсадных, бурильных и других труб. Бурильщики мобилизовали внутренние ресурсы: вырезали трубы из старых скважин, разбирали бездействующие трубопроводы, использовали старые бурильные трубы, и только на этом сэкономили стране за время Отечественной войны десятки тысяч тонн стали и ввели в эксплуатацию сотни новых нефтяных скважин. Всего было извлечено обсадных труб в 1941–1943 годах около 13 тысяч тонн.

Многое было сделано и для упрощения конструкции скважин, процесса бурения (бесколонные скважины и т. д.). Менялся и режим бурения с целью более эффективного использования режущего инструмента и всего бурового оборудования.

Взять хотя бы такой пример. Инженерами-нефтяниками А.А. Абиндером и А.П. Островским было выполнено важное задание для нефтяной промышленности по созданию и организации производства в Баку и под Уфой твердого сплава на основе двойного карбида титана и хрома, что позволило в условиях военного времени обеспечивать бесперебойный выпуск буровых долот, не прибегая к остродефицитным вольфрамо-кобальтовым твердым сплавам.

Сплав был назван буровиками «долотитом».

В годы войны немало сделали нефтяники для улучшения организации буровых работ и процессов бурения. Именно тогда начало развиваться турбинное бурение в восточных районах.

Говоря о технике бурения, нельзя не остановиться хотя бы вкратце на истории его зарождения, сыгравшего огромную роль в развитии нефтяной промышленности страны, особенно на Востоке.

В 1925 году, как мы уже знаем, впервые в мире у нас в стране был применен при бурении скважин одноступенчатый редукторный турбобур М.А. Капелюшникова. И хотя по своим экономическим показателям из-за быстрого износа турбины он уступал ротору, появление его дало толчок для дальнейших разработок изобретателей в этом направлении.

С переносом двигателя к забою скважины отпадала необходимость во вращении длинной колонны бурильных труб, что влекло за собой большой расход энергии и износ труб и муфт.

При испытаниях турбобура еще в 1929 году механическая скорость проходки оказалась на 60 процентов выше, чем при роторном способе.

Следующий крупный этап развития турбинного бурения начался в 1934 году с организации в Баку Экспериментальной конторы турбинного бурения (ЭКТБ). В 1935–1936 годах группой выдающихся инженеров – П.П. Шумиловым, Р.А. Иоаннесяном,

Э.И. Тагиевым, М.Т. Гусманом – создается новый многоступенчатый безредукторный турбобур. Основным недостатком конструкции таких турбобуров были опоры на шариковых подшипниках, выходившие из строя после 7-10 часов работы.

Переход к турбобурам с резино-металлическими опорами скольжения, работающими при смазке и охлаждении проточной жидкостью, позволил резко увеличить продолжительность их работы на забое скважины и получить в 1937–1939 годах показатели значительно выше, чем при роторном бурении.

К 1940 году группа молодых талантливых инженеров Экспериментальной конторы закончила работу над созданием первого в мировой практике мощного многоступенчатого безредукторного турбобура, который уже мог конкурировать с ротором.

Первая попытка бурения крепких пород при помощи этого турбобура была сделана в Волго-Уральском районе. В 1939 году в тресте «Ишимбайнефть» началось бурение скважин турбинным способом. Результаты оказались успешными, после чего Наркомнефть принял решение о широком внедрении этого прогрессивного метода бурения в восточных районах страны. Так еще накануне войны закладывались основы широкого применения турбинного бурения. В годы войны и особенно после ее окончания оно сыграло решающую роль в техническом перевооружении отечественной нефтедобывающей промышленности.

Зарубежные специалисты по достоинству оценили новую советскую буровую технику: в 1956 году некоторые фирмы США и Европы закупили у нас лицензии на турбобур, а известный американский геолог Дж. Брайан Эби, посетивший в том же году СССР и ознакомившийся с советской нефтяной промышленностью, в своей журнальной статье написал, что советская конструкция нового турбобура с подшипниками из твердой резины вместо металлических, применяемых до настоящего времени, оказалась эффективной при бурении твердых пород и способствовала открытию новых обширных залежей нефти и газа.

Нужно подчеркнуть как крупнейшее завоевание передовой отечественной техники способ бурения наклонных скважин, решивший сложнейшую проблему использования значительных остаточных фондов, залегающих под строениями, реками, дном моря и т. д.

В 1943 году в Прикамье, а затем и в других районах было внедрено наклонно направленное бурение, то есть ствол

скважины проводили не вертикально, а искривляли в заданном направлении для достижения нужного объекта (нефтяного, газового пласта).

Здесь опять требуется историческая справка: наклонное бурение скважин в России впервые применено было еще в 1894 году известным русским специалистом горного дела С.Г. Войславым. После длительного перерыва в 1934 году была пробурена роторным способом с суши (остров Артем) наклонно направленная скважина на продуктивные горизонты морского дна. Затем до начала войны этот способ бурения применялся на старогрозненских нефтепромыслах.

Вообще до войны бурение наклонных скважин производилось лишь роторным методом и в остальных районах страны не нашло широкого применения. Лишь после того, как подобные скважины стали проходить с помощью турбобура, распространился такой тип бурения. В середине 1942 года в Пермском нефтекомбинате, возглавлявшемся в то время Э.И. Тагиевым, одним из авторов многоступенчатого турбобура, в трудных условиях Прикамья началось освоение наклонно направленного и кустового бурения. Проведенные испытания прошли успешно. Это послужило базой для дальнейшего усовершенствования турбинного бурения, широкого распространения кустового и многозабойного бурения (одной буровой установкой и одним комплектом бурильных труб) в различных нефтедобывающих центрах нашей обширной Родины.

На Востоке успешно наращивали добычу куйбышевские нефтяники. Перед Великой Отечественной войной основная деятельность треста «Сызраньнефть» была сосредоточена на пяти площадях: Сызранской, Ставропольской, Заборовской, Троекуровской и Ново-Сызранской. Росла добыча нефти на них, объем бурения; улучшились и экономические показатели: скорость бурения, а также производительность труда. Нефтяники области за короткий срок сумели не только разведать нефтяные месторождения, но и начать добычу достаточно высокими темпами. Открывались новые залежи, совершенствовалась техника бурения для освоения более глубоких горизонтов. Все это сопровождалось ростом высококвалифицированных кадров геологов, буровиков, промысловиков.

Сознавая всю ответственность перед Родиной, куйбышевские нефтяники с первых дней войны включились в героическую борьбу за бесперебойное снабжение фронта и тыла нефтепродуктами. Уже в августе 1941 года бюро Куйбышевского обкома партии приняло специальное постановление, определившее конкретные задачи, поставленные перед

нефтяниками.
В первом пункте постановления говорилось:

«1. Считать утвержденный Государственном Комитетом Обороны план добычи нефти на 1942 год в размере 425 тыс. тонн минимальным заданием тресту Сызраньнефть и просить Наркомнефть войти с ходатайством в Государственный Комитет Обороны Союза ССР об увеличении плана добычи нефти по тресту до 700 тыс. тонн, плана эксплуатационного бурения – до 149 тыс. метров и разведочного – до 85 тыс. метров».

Слова не расходились с делом – и в августе 1941 года коллектив Ставропольнефтеразведки, выполнив годовой план добычи нефти, обязался за оставшиеся неполные пять месяцев выполнить еще одно задание. Ширилось движение «Каждому работать за двоих, за троих». В авангарде этого движения, как всегда, были коммунисты-нефтяники. Это о них в сызранской газете «Красный Октябрь» писали: «Быть передовиком, личным примером увлекать всех рабочих на выполнение боевых заданий – святая обязанность каждого коммуниста-производственника…»

Разворачивается борьба за повышение скорости бурения. Первым «скоростником» среди куйбышевцев стал бурмастер Тимошин, почин его подхватили стахановцы – мастера Атапин, Попов, Толстоухов, Лунин, Инсаров. Нет предела возможностям энтузиастов-тружеников военных лет: сокращается время бурения скважин, увеличивается срок службы бурового инструмента и оборудования без капитального ремонта, идет борьба за экономию материалов, режущего инструмента, запасных частей и т. д.

Все это можно по-настоящему оценить только сейчас, в мирное время.

А тогда… Люди, производство, техника – все было нацелено на выполнение военных задач. Возникали проблемы с кадрами, с жильем для эвакуированных, с питанием, транспортом. И на помощь нефтяникам приходили партийные и советские органы, колхозы и совхозы. Автомобильный транспорт, например, в конце

1941 года был более чем на 50 процентов заменен гужевым – лошадьми и быками.

Несмотря на сложные, прямо сказать, тяжелейшие условия, велось капитальное строительство – первоочередным объектом был 10-дюймовый нефтепровод Ставропольский промысел – Батракская нефтебаза. И строительство его было завершено, несмотря на сильные морозы зимы 1941/42 года, отсутствие необходимой техники, рабочих, даже просто теплой одежды.

Особенно запомнился героический подвиг советских людей, сумевших в необыкновенно трудных условиях решить задачи обеспечения топливом тяжелой промышленности в районе Поволжья, где мне пришлось побывать в 1942 году по делам Совета по эвакуации. Фашистские полчища рвались к Волге, железная дорога из Баку в центр страны перерезана, резко ухудшилось положение с топливом.

В это время в районе Куйбышева возникает большой промышленный узел, снабжавший фронт боевой техникой и самолетами. Оборудование заводов, доставленное сюда из Москвы, западных и южных районов страны, было смонтировано в короткие сроки. Предприятиям остро не хватало топлива. Уголь подвозить по железным дорогам не успевали, а путь бакинской нефти лежал через Каспийское море и Среднюю Азию. В то же время вблизи Куйбышева, крупного промышленно-оборонного центра, геологами были открыты четыре газовых месторождения (из них два – Бугурусланское и Новостепновское – на территории Оренбургской области), и в тяжелейшем для Родины 1942 году был разработан проект первого в нашей стране газопровода для дальней транспортировки газа. Трасса газопровода протяженностью 165 километров пролегала вдоль железной дороги от Бугуруслана через Похвистнево до Куйбышева.

Промышленные предприятия и ТЭЦ Куйбышева крайне нуждались в топливе. Поэтому была поставлена задача в кратчайший срок закончить строительство газопровода. Встал главный вопрос: где взять трубы? Подсказали бакинцы: можно демонтировать бездействующий нефтепровод. И Государственный Комитет Обороны принял решение начать строительство газопровода. Прокладывал газопровод Бугуруслан – Куйбышев трест «Центроспецстрой» Наркомата нефтяной промышленности СССР, впоследствии – трест «Спецгазстрой». Круглые сутки велась сварка труб, доставлявшихся из Баку на трассу сложным путем – через Каспий и затем по железной дороге. И тогда промышленность Поволжья стала готовиться к приему газа. Всеми работами постоянно руководил Куйбышевский обком партии, наркоматы нефтяной и авиационной промышленности.

Газопровод был построен: в сентябре 1942 года газ под естественным давлением пошел из скважин в Куйбышев. Первыми потребителями газа в городе были Безымянская ТЭЦ и ряд промышленных предприятий.

В 1943 году уже полтора десятка газовых скважин Аманакского, Калиновского, Новостепновского и Бугурусланского месторождений питали промышленность области.

Таким образом, многие заводы получили топливо – природный газ, что позволило значительно увеличить поставку боевой техники фронту.

Хотел бы тут же сказать еще об одном чрезвычайно важном деле: в течение шести месяцев строители газопровода смонтировали оборудование завода газовой сажи, доставленное сюда с нефтяных промыслов Краснодарского края, временно оккупированных врагом. Для того чтобы правильно оценить роль этого события, поясню: в связи с выходом из строя ряда предприятий, производящих газовую сажу, пришлось доставлять ее из США, что было, как вы понимаете, чрезвычайно сложно. А так как без газовой сажи нельзя было производить покрышки для автомашин и самолетов, Государственный Комитет Обороны поставил задачу построить в кратчайший срок новые заводы, разработать более эффективные процессы получения газовой сажи. И задача эта была успешно решена.

Геологи открывают все новые газовые месторождения, разработка их ведется высокими темпами, обеспечиваемыми прогрессивными способами, как правило, экономично, минималь ным числом скважин, при этом используются частично и разведочные.

Таким образом, в Куйбышевской области, начиная с магистрального газопровода Бугуруслан – Куйбышев, возникает и развивается газовая промышленность.

Кроме свободного природного газа в Куйбышевской области ведется добыча попутного газа нефтяных месторождений, дающего значительную долю добычи по области.

В свою очередь зарождение такой отрасли, как газовая, поставило новую проблему – транспортную. И куйбышевские строители «голубых» магистралей справляются и с этой задачей. Протяженность газопроводов быстро перешагнула первые 165 километров и переступила тысячный рубеж. Выросли мощные компрессорные станции с газоочистными сооружениями.

Для лучшего использования нефтяного газа был осуществлен ряд технических мероприятий: освоена бескомпрессорная транспортировка сырого газа к потребителям, а также совместная транспортировка газа с нефтью, подземное хранение, в результате

чего процент использования нефтяного газа в Куйбышевской области резко увеличился.

Для наиболее быстрого получения газового бензина, этана, серы, гелия в области созданы газобензиновые заводы, а также установки по производству серы и гелия.

После того как, кроме природного газа, начали увеличивать добычу попутного газа, содержащего ценнейшее сырье для нефтехимии (пропан, бутан и т. д.), в Куйбышевской области строится Отрадненский, а позднее Кулешовский газобензиновые заводы…

Мне хочется еще раз подчеркнуть огромную важность создания в области нефтеперерабатывающей отрасли.

Первым должны были построить Сызранский нефтеперерабатывающий завод. До начала войны составили проект и начали строительство завода, однако успеть удалось немного. Но уже в первые месяцы войны в Сызрань было доставлено оборудование с Херсонского и Одесского нефтеперерабатывающих заводов. Оборудование было некомплектное, и сначала планировалось организовать переработку бакинского мазута. Уже по ходу строительства из-за невозможности поступления сырья из Баку началось переоборудование крекинга под переработку куйбышевских нефтей, отличных от бакинских. То был тяжелейший период, и Сызранская городская партийная организация, и областной комитет ВКП(б) неустанно следят за строительством, чтобы начать выпуск продукции в апреле 1942 года. Отсутствие техники, жестокие морозы, ручные такелажные работы – таковы были условия, обычные по тому военному времени. В довершение – роются земляные ямы вместо металлических емкостей для хранения мазута. Но был коллектив, монолитный и направленный на выполнение поставленных задач точно в срок, ибо от скорейшего выпуска нефтепродуктов зависело положение на фронтах, и были руководители (например, директор завода Л.Л. Леонов, гл. инженер А.М. Франгулян) и партийная организация, которые поднимали людей фактически на подвиг, – и основные объекты Сызранского НПЗ были завершены досрочно! Уже в начале июля, буквально через несколько дней после пуска завода, в Сталинград был отправлен первый эшелон с бензином. Слов нет выразить благодарность этим труженикам!

Как и вся страна, рабочие и инженерно-технический персонал завода работали под девизом: «Все для фронта, все для победы!» За бесперебойное снабжение Сталинградского фронта горючим коллектив получил благодарность от командования.

Но стране, особенно фронту, нужны были все новые и новые

тонны, тысячи тонн горюче-смазочных продуктов. Партия и правительство принимают в 1943 году решение о строительстве еще четырех нефтеперерабатывающих заводов для переработки восточных нефтей: в городах Куйбышеве, Гурьеве, Орске и Красноводске.

А в 1942 году созданный на базе всех нефтяных организаций области Куйбышевский нефтекомбинат принимает все меры, чтобы увеличить добычу нефти: расширяется фронт бурения, вводятся в эксплуатацию бездействующие по различным причинам скважины, совершенствуются методы эксплуатации и разработки. Большой коллектив комбината выступил в том же году с инициативой, горячо поддержанной всеми нефтяниками Второго Баку, принять повышенные социалистические обязательства.

Одной из основных военно-хозяйственных и политических задач в то время была борьба за выполнение и перевыполнение плановых заданий, поставленных перед нефтяной промышленностью и направленных на всемерное увеличение добычи и переработки нефти. Чтобы помочь фронту, нефтяники собирали средства на строительство авиационной эскадрильи «Куйбышевский нефтяник», на постройку танков и т. д. Самоотверженный труд нефтяников характеризуется такой цифрой: только в 1942 году добыча нефти в Куйбышевской области возросла в 2,5 раза по сравнению с мирным 1940 годом. Около полутора миллионов тонн ежегодно давали башкирские промыслы. Росла добыча высококачественной масляной нефти на Эмбе, где в это время впервые в Советском Союзе стали внедрять (на Доссоре и Макате) площадное заводнение нефтяных пластов.

На нефтепромыслах трестов «Ишимбайнефть», «Туймазанефть», Краснокамска и Бугуруслана успешно применялись такие методы интенсификации добычи нефти, как солянокислотная обработка забоев и призабойной зоны скважин. На каждую тонну соляной кислоты получали прирост нефти в среднем 150 тонн, а на некоторых промыслах Бугуруслана и Ишимбая и больше. Хорошие результаты давали торпедирование скважин, термохимическая обработка забоев и другие методы интенсификации.

Благодаря быстрому и решительному внедрению новых способов эксплуатации старых скважин промыслы Ишимбая, Бугуруслана, Краснокамска и Туймазов дали стране дополнительно десятки тысяч тонн нефти, необходимые для приближения победы над фашизмом.

Все эти и другие мероприятия позволили увеличить добычу нефти в восточных районах к 1945 году по сравнению с 1940

годом в 1,5 раза, при этом их удельный вес в общесоюзной добыче нефти возрос почти в 2,4 раза.

В годы Великой Отечественной войны ЦК ВКП(б) и Советское правительство приняли срочные и эффективные меры к широкому развертыванию геолого-разведочных работ на нефть, в особенности в районах Второго Баку. Было принято специальное решение об усилении разведочных работ на нефть в восточных районах СССР.

Планом на IV квартал 1941 года для районов Второго Баку, Казахстана и Средней Азии был установлен объем буровых работ в 340 тысяч метров, из них 135 тысяч метров разведочного бурения. В сентябре 1942 года было принято постановление о всемерном форсировании увеличения добычи нефти в восточных районах и Средней Азии, которое представляло собой развернутую программу строительства нефтяной промышленности на Востоке. К концу 1942 года по сравнению с августом этого же года в восточных районах намечалось увеличить среднесуточную добычу нефти в 1,5 раза. Наркомат нефтяной промышленности СССР, Азнефтекомбинат и Грознефтекомбинат обязывались до 15 октября 1942 года отправить из Азнефти, Грознефти и Майкопнефти для работы в нефтяных районах Волги, Урала, Средней Азии и Казахстана рабочих и служащих, буровое и эксплуатационное оборудование.

В августе 1941 года в целях развития добычи нефти в восточных районах страны постановлением Государственного Комитета Обороны в город Краснокамск была переведена Экспериментальная контора турбинного бурения. Контора переехала с группой талантливых инженеров во главе с Э.И. Тагиевым со всем своим буровым оборудованием, подчиненным ей заводом им. Мясникова и опытными стендами.

В годы войны на Пермском нефтекомбинате непрерывно проводились различные эксперименты по созданию и усовершенствованию техники бурения, в которой участвовали П.П. Шумилов, Р.А. Иоаннесян, Э.И. Тагиев и М.Т. Гусман.

Геофизики, геологи, работники геолого-поисковых партий не прекращали напряженной работы по выявлению новых структур в восточных районах страны. Несмотря на тяжелые условия военного времени, здесь проводились геофизические и промыслово-геофизические исследования, структурное картирование и т. д.

Геологи и геофизики отлично понимали, что непрерывно увеличивать нефтедобычу в наших основных восточных районах можно только при наличии достаточного количества разведанных нефтеносных площадей.

Как я уже отмечал, мы были вынуждены сократить в годы войны разведочное бурение, но уже со второй половины 1943 года масштабы разведочных буровых работ, особенно в восточных районах, стали увеличиваться.

В результате в 1941–1945 годах в Волго-Уральской нефтегазоносной области было выявлено 21 месторождение в палеозойских отложениях, в том числе богатейшие залежи нефти девонского возраста в Яблоновом Овраге и на Туймазинской площади, где ранее была установлена продуктивность вышележащих пород карбона.

За открытие этих нефтяных месторождений М.В. Мальцеву, М.Т. Золоеву, А.А. Трофимуку, А.И. Мустафинову, К.Р. Чепикову, С.И. Кувыкину, И.С. Квиквидзе, И.С. Ткаченко, Г.М. Рыжову были присуждены Государственные премии.

Всего за годы Великой Отечественной войны нашими геологами было открыто 34 новых нефтяных и газовых месторождения, в то время как за двадцать довоенных лет – 83. Эти открытия в корне изменили картину экономико-географического размещения нефтяной промышленности и в дальнейшем обусловили мощный рост добычи нефти в нашей стране.

В 1944 году на Туймазинском месторождении было возобновлено глубокое разведочное бурение, и 26 сентября 1944 года бригадой мастера Андрея Тимофеевича Трипольского, бурившей скважину № 100, с глубины 1750 метров был получен фонтан высококачественной нефти с суточным дебитом 250 тонн.

Открытие туймазинской девонской нефти позволило резко увеличить темпы добычи ее в Башкирии. Много сил и труда отдали открытию большой башкирской нефти опытные специалисты Н.И. Мешалкин, Г.П. Ованесов, Ф.С. Куликов, М.Т. Золоев, М.В. Мальцев, В.В. Ишерский, Х.П. Сыров, Р.С. Билалов, А.Я. Виссарионова, Н.И. Ключников, П.И. Витучин, А.Ф. Никитин, И.П. Нифонтов, Л.А. Пелевин, В.И. Кривошеев, П.П. Галонский, В.А. Еронин, Дельмухамедов, Амиркулиев, Кашапов и многие другие.

За это открытие большая группа рабочих, инженеров и техников Башкирии была награждена орденами и медалями, а Т.М. Золоев, И.С. Квиквидзе, С.И. Кувыкин, М.В. Мальцев, А.И. Мустафинов, Г.М. Рыжов, И.С. Ткаченко, А.А. Трофимук, К.Р. Чепиков – получили звания лауреатов Государственной премии СССР.

Эпохальным, не боюсь преувеличить, было это открытие девонской нефти! Значение его невозможно переоценить и в политическом смысле – шла война, и удовлетворение потребностей в горючем фронта и тыла было первостепенной

задачей.

Вот как об этом вспоминает сейчас А.А. Трофимук, ставший тогда, в свои 33 года, Героем Социалистического Труда: «Пройти тернистый путь через ступени неудач и добиться успеха – это величайшая радость. И я искренне горжусь тем, что являюсь одним из тех, кто обосновал наличие самого мощного нефтяного горизонта в Урало-Поволжье. Мы открыли в 1944 году месторождение в девонских слоях. Успех наш был подчеркнут фонтаном, который извергал 250 тонн нефти в сутки. И мы стояли, мазали себе лица и смеялись, и даже прыгали. Потому что нет для геолога-нефтяника большей радости, чем увидеть фонтанирующую нефть. Она шла из девонских отложений с глубины 1640 метров… Тогда ведь было трудно бурить.

И не только потому, что техника не позволяла, а просто некоторые товарищи останавливали бурение, говоря: «Зачем нам неведомая нефть девона, неизвестно: будет она или нет, когда мы можем из пласта, который уже прошли этой скважиной, получить новых 10–12 тонн нефти в сутки». Но мы верили, что глубже есть большая нефть, и оказались правы».

В начале освоения Туймазинского месторождения была предложена новая система разработки залежей с целью повышения добычи нефти.

Положенная в основу генеральной схемы, она была создана Востокнефтепроектом и проектно-конструкторским бюро Московского института имени И.М. Губкина. Впервые в мировой практике и теории был составлен научно обоснованный план разработки – разбуривание залежей и их эксплуатация были поставлены в зависимость от заранее запроектированного процесса законтурного заводнения.

Предлагалось разрабатывать месторождения по разреженной сетке, при которой на каждую скважину приходилось по 20–32 гектара площади. Впервые в Советском Союзе было решено применить законтурное и внутриконтурное заводнение месторождения.

С Туймазинского месторождения началась большая нефть Волго-Урала. В Башкирии в 1949 году был получен фонтан нефти в скважине Серафимовской площади из песчаников этого же возраста.

И в дальнейшем решающую роль в достижении высоких темпов роста добычи нефти сыграло широкое и смелое использование новейших научных достижений и передового опыта. Вводившиеся в разработку в последующие годы Серафимовское, Леонидовское, Константиновское, Шкаповское нефтяные месторождения разбуривались по относительно редкой

сетке с применением метода заводнения для поддержания пластового давления. Использование в широких промышленных масштабах искусственного поддержания пластового давления показало ее высокую эффективность. Применение новой технологии позволило сохранить на продолжительный период фонтанирование скважин с высоким дебитом нефти, повысить коэффициент извлечения балансовых запасов нефти, значительно сократить сроки разработки месторождений.

В октябре 1942 года в Московском нефтяном институте им. И.М. Губкина организуется Бюро разработки нефтяных месторождений.

Практическая деятельность бюро состояла в составлении по заказу промышленных предприятий проектов повторной разработки после Великой Отечественной войны ряда месторождений Краснодарского края. Но наиболее эффективные результаты были получены на Туймазинском месторождении, где была применена новая система разработки с применением законтурного заводнения.

Дальнейшее развитие теории и практики эксплуатации нефтяных месторождений тесно связано с разработкой запасов Ромашкинского месторождения.

Огромные размеры этого месторождения не позволяли применить на нем уже освоенную систему законтурного заводнения. При выборе рационального варианта разработки месторождения было исследовано большое количество рядов нагнетательных скважин, разрезающих залежь на отдельные самостоятельные площади.

В результате применен был научно обоснованный метод размещения скважин и определения уровня добычи нефти с каждой площади. Это в свою очередь позволило распределить заданную добычу нефти между отдельными площадями так, что себестоимость ее добычи и капитальные вложения по всему месторождению получились наименьшими.

Новым для нефтедобывающей промышленности было выделение при проектировании специального фонда резервуарных эксплуатационных и нагнетательных скважин, который должен расходоваться в последующие этапы разработки.

Таким образом, была создана принципиально новая система разработки – система внутриконтурного заводнения с «разрезанием» залежи на отдельные площади, одновременно обеспечивающая как высокую текущую добычу нефти, так и высокое общее извлечение нефти из недр при сильном сокращении сроков разработки и снижении капиталовложений и себестоимости нефти.

Наряду с обоснованием новых систем внутриконтурного заводнения осуществлялись дальнейшее совершенствование системы законтурного заводнения и широкое внедрение ее на месторождениях Советского Союза.

Система законтурного заводнения была применена на таких нефтяных месторождениях, как Мухановское (Куйбышевская область), Нефтяные Камни (Азербайджанская ССР), Западный Кум-Даг (Туркменская ССР), Каменноложское (Пермская область), и многих других.

Хочется хотя бы вкратце остановиться на некоторых трудностях, которых было достаточно на пути освоения и внедрения этого передового метода.

В период разведки и освоения Туймазинского месторождения я возглавлял нефтяную отрасль страны и нам с моим заместителем В.А. Каламкаровым приходилось решать многие конкретные вопросы, в том числе и касавшиеся разработки месторождений. Так вот путь этот был вначале тернистым. Впрочем, мы часто видим в жизни, как явно прогрессивное, смелое техническое решение на первых порах встречается «в штыки». И удивляет то, что против выступают порой профессионально грамотные, мыслящие специалисты, инженеры. Так было и в нашем конкретном случае.

После того, как строительство первоочередных объектов на Туймазинском месторождении было закончено и началось освоение метода законтурного заводнения, не все шло гладко. Взять хотя бы такой пример. До закачки в пласт вода по проекту должна была проходить целый цикл подготовки (хлорирование, известкование и т. д.), в процессе которой из нее исключались компоненты, способные выпадать в осадок в пласте, закупоривая поры. Но когда началась первая стадия освоения этого метода, вода, закачиваемая в пласт, поглощалась лишь первые двое суток… А потом скважина переставала принимать воду. Намучились с этим ужасно. Это, прямо скажу, были одни из самых черных дней в освоении процесса.

Пошли разговоры, что зря проделана огромная работа, истрачены большие силы и средства и что ничего из этой затеи не получится. Как всегда бывает в таких ситуациях, пошли письма, сигналы, следом – комиссии.

…А время шло. Давление в пласте начало резко снижаться. Вот когда я понял, что действительно надо было иметь железные нервы и твердую уверенность в правоте своего дела, чтобы не растеряться и не опустить руки.

Был длительный поиск, были многочисленные инженерные дискуссии. Кстати, я всегда считал и считаю, что от подобных

дискуссий прежде всего выигрывает дело. И наконец, была найдена причина этого явления. Оказалось, что предусмотренное проектом подкисление воды приводило к тому, что соляная кислота воздействовала на металл и чешуйки окисленного железа, выпадая на забое скважины в огромных количествах, наглухо забивали его. После устранения этой причины и изменения технологии подготовки воды все наладилось. Начали закачивать просто отфильтрованную, известкованную, осветленную речную воду.

Давление в пласте стало восстанавливаться, и начался процесс управления энергией пласта. Бывали дни, когда из-за перебоев с подачей цистерн емкости переполнялись и фонтанирующие скважины приходилось останавливать. Но когда емкости освобождались, недоданная за дни простоев нефть компенсировалась. А так как вода закачивалась непрерывно, повышение текущего отбора нефти для компенсации потерь добычи в дни простоев не нарушало энергетического баланса пласта.

И вот сейчас можно посмотреть через призму времени на те события. Возможно, если бы с самого начала все специалисты и ученые согласились с применением процесса, путь наш был бы более легким и быстрым. Но получилось так, что у этого метода вначале было много противников, выражавших сомнения, «предупреждавших» о возможных роковых последствиях, вплоть до полной гибели пласта. Были и прямые обвинения нас во вредительстве. Существовало, например, мнение, что поры нефтяного пласта могут закупориться продуктами жизнедеятельности микроорганизмов, содержащихся в речной воде, закачиваемой в пласт, и месторождение погибнет. Иные товарищи писали о том, что фронт воды будет двигаться неравномерно, образуя водяные языки, и там, где прошла вода, останутся острова омертвленной нефти. И еще всякого рода трудности предсказывались, но на то и существуют настоящие ученые, инженеры, геологи, чтобы предвидеть и преодолевать эти трудности.

Мне хочется, чтобы специалисты, пришедшие в нефтяную отрасль в последние два-три десятилетия, когда применение способов рациональной разработки с самого начала ввода месторождений в эксплуатацию принимается как само собой разумеющееся, изучая опыт предыдущих поколений нефтяников, у которых, я уверен, есть чему поучиться, обратили бы внимание на то, как можно использовать инженерную дискуссию, в процессе которой грамотные в техническом отношении оппоненты высказывают порой очень полезные мысли. Вот еще

одно подтверждение этому.

Когда открыли девонскую нефть в Татарии на очень большом по площади Ромашкинском месторождении, было дано задание начальнику Татнефти А.Т. Шмареву составить предварительную схему разработки этого нового месторождения.

И вот первый секретарь Татарского обкома партии З.И. Муратов и А.Т. Шмарев привезли мне схему разработки, предусматривающую «окольцевание» скважинами огромного месторождения как единого целого. Я посмотрел ее, затем пригласил к себе В.А. Каламкарова.

Тот, посмотрев схему, на мою просьбу высказать свое мнение ответил однозначно: «Никуда не годится».

Здесь следует добавить, что, когда встал вопрос о разработке Ромашкинского месторождения, степень разведанности его была еще очень мала. Достаточно указать, что на Миннибаевской площади было закончено всего пять разведочных скважин. Представления о размерах всей площади не было. Разведочные скважины на этой площади бурились на таком большом расстоянии, что между ними могло бы вклиниться такое месторождение, как Бавлинское. И все же нам надо было начинать разработку этого месторождения, ибо других в арсенале не было, а планы добычи нефти «поджимали». Однако даже те скудные данные, которые имелись, указывали на нерациональность разработки этого месторождения только при помощи законтурного заводнения.

Но чтобы не было голословных заявлений, я сказал тогда Каламкарову: «Товарищи привезли схему разработки, вычерченную и подписанную, и приложенную к ней записку; нельзя просто говорить – не годится и все. А что же ты сам предлагаешь?» Каламкаров ответил, что он об этом думал и пришел к заключению: месторождение надо разрезать на части. Начальник Татнефти Шмарев едко заметил, что это же не колбаса, чтобы резать, – нужны аргументы. На что Каламкаров заявил: если мы хотим разработать месторождение с поддержанием давления и получать большую добычу, надо его размеры искусственно привести к удобным для разработки площадям, то есть разрезать на части нагнетательными скважинами с целью внутриконтурного заводнения.

Страсти разгорелись: пошла такая перепалка между Шмаревым и Каламкаровым, что мы с Муратовым не могли слова вставить. Шмарев убеждал, что качать воду в нефтяную часть залежи – это сумасшествие, и настаивал на законтурном заводнении. Каламкаров же утверждал, что приведенная схема при ее осуществлении обеспечит годовую добычу 10 миллионов тонн, а

разработка площади продлится сотни лет. В противном случае огромная центральная часть месторождения либо будет законсервирована на долгие годы, либо ее придется разрабатывать сплошной сеткой без поддержания давления и бурить вместо 10 тысяч скважин более 100 тысяч скважин с низким притоком нефти. Шмарев же заявил, что вода просто не пойдет в нефтяную часть залежи. И привел в доказательство, как в Туймазах мучились, чтобы заставить воду идти в водяную часть пласта. Но и здесь у Каламкарова был готов ответ. Он сказал, что и об этом он думал и предполагает, что если нагнетательную скважину в нефтяной зоне заставить фонтанировать и давать 500-1000 тонн нефти в сутки, то через месяц-два вода в нее пойдет. Спор все больше разгорался. Я долго терпел, но, наконец, не выдержал и обратился к Каламкарову: «Люди работали, составили схему, обсудили, подписали и представили мне. У тебя – другое мнение. Очень хорошо. Подумай и официально оформи по этому вопросу записку на мое имя, а я ее пошлю на обсуждение техсовета». Откровенно говоря, я уже к тому моменту сформировал свое мнение: был на стороне Каламкарова, но не хотел своим мнением давить на свободу дискуссии. Каламкаров подготовил и представил мне записку, где обосновал необходимость разрезания месторождения и внутриконтурного заводнения. Записку эту я немедленно отправил на рассмотрение технического совета министерства, который одобрил и поддержал предложение Каламкарова. К чести А.Т. Шмарева надо сказать, что он стал энтузиастом проведения в жизнь этого способа разработки.

Кадры геологов, бурильщиков и строителей, а также материально-технические средства направлялись в первую очередь в те районы, где можно было быстро увеличить добычу нефти при минимальных затратах. Учитывалось, что капитальные вложения при освоении более богатых с большими притоками нефти месторождений сравнительно быстро дают эффект. На строительство новой нефтяной скважины затрачивалось от 1 до 4 месяцев, вместе с тем новая скважина в первые же годы эксплуатации отдает большую часть своей продукции. В 1942–1943 годах работы были сконцентрированы в районе промыслов треста «Куйбышевнефть», в 1945 году получила развитие добыча нефти из девонских отложений Башкирской АССР и Куйбышевской области. Кроме упомянутых открытий Волго-Урала, в годы войны были выявлены богатые месторождения и залежи нефти в Дагестане (Махачкалинское), Средней Азии (Андижан, Палванташ, Южный Аламышык), на острове Сахалин (новые горизонты на Эхаби). В старых кавказских нефтяных

районах страны в военные годы был также открыт ряд новых продуктивных площадей (Бузовны, Маштаги – в Бакинском районе, Ташкала, Нойберды – в Грозненском районе и др.) и увеличены нефтеносные фонды старых площадей. Из газовых месторождений особо следует отметить богатейшее Елшанское месторождение в Саратовской области, положившее начало развитию крупномасштабной газовой индустрии. Ввод в 1942 году в разработку Елшанско-Курдюмовского газового месторождения позволил перевести на газ промышленные предприятия Саратова, где ощущалась острая нехватка топлива. Газопровод Елшанка – Саратов был построен в течение двадцати дней.

Именно в годы Великой Отечественной войны было положено и начало развитию дальней транспортировки газа. Елшанское и другие саратовские месторождения стали основной базой первого в стране дальнего газопровода Саратов – Москва протяженностью 800 километров. Газопровод этот вступил в эксплуатацию в 1946 году.

Об одном характерном для того времени эпизоде рассказал мне Ю.И. Боксерман. Он еще в наркомате занимался вопросами развития газовой промышленности, и поэтому именно ему в 1945 году было поручено руководство проектированием газопровода Саратов – Москва. Газопровод в основном строился организациями, подведомственными МВД СССР. Возглавляли строительство генерал-лейтенант Л.Б. Сафразян и генерал-майор инженерной службы В.А. Панкин.

Несмотря на отсутствие опыта, строительство газопровода протяженностью 800 километров было осуществлено в короткие сроки – в течение года. Но были допущены и ошибки, главная из которых – опрессовка труб водой, а на отдельных участках грязной водой, так что потом, когда стали качать газ, образовались гидратные пробки. Это вызвало тревогу у правительства.

В декабре И.В. Сталин, вернувшись из Сочи, где он был в отпуске, спросил встречавших его на вокзале руководителей: «Как работает газопровод Саратов – Москва?»

Секретарь ЦК партии, председатель Моссовета Г.М. Попов ответил: «Плохо, с перебоями».

Сталин обрушился на Берию.

– Нашумели на весь мир об этом газопроводе, а теперь он не работает. В Сочи я получил рапорт строителей, – выговаривал Сталин, – собирался подписать приветствие, начал подписывать, и вдруг капнули чернила из ручки, образовалось пятно: плохая примета… И я решил подождать.

Сталин предложил Берии немедленно принять меры по налаживанию работы газопровода.

В тот вечер у Берии собрали всех руководителей МВД, Главгазпрома. На совещание были приглашены Н.А. Вознесенский, А.И. Микоян и Г.М. Попов.

Берия сразу начал громить строителей, предложил министру внутренних дел Круглову сорвать погоны у Панкина. Он долго бушевал, поносил всех и вся. Наконец Н.А. Вознесенский, устав от его громкого, пискливого крика, предложил заняться делом. Берия, казалось, позеленел весь и, не ослабевая крика, заявил, что он выполняет поручение Сталина. Однако вскоре поутих и потребовал доклада о работе газопровода.

По предложению Попова слово дали Боксерману. Два часа подряд Боксерман докладывал, и Берия без конца перебивал его, ругал, что тот берет под защиту строителей, которых надо отправить в лагеря.

Вся ночь прошла в спорах, пока не подготовили решение, в котором были определены меры по устранению неполадок в эксплуатации газопровода. Ю.И. Боксермана назначили начальником Управления газопровода Саратов – Москва с сохранением его в должности заместителя начальника Главгазпрома.

На следующий день это решение было утверждено на Президиуме Совмина СССР, которое вел Н.А. Вознесенский.

Хотелось бы несколько слов сказать об этом талантливом организаторе и удивительном руководителе.

С наибольшей силой проявился организаторский талант Николая Алексеевича в предвоенные годы и особенно в период Великой Отечественной войны. Этот человек в сжатые сроки смог отрегулировать важнейшие экономические процессы: переключение гражданской промышленности на производство военной продукции, перераспределение всех экономических и трудовых ресурсов страны в интересах фронта, организацию системы снабжения продовольствием.

Н.А. Вознесенский написал ряд интересных работ. В 1947 году он опубликовал научный труд «Военная экономика СССР в период Отечественной войны», который получил мировую известность и был удостоен Государственной премии СССР.

Находясь на посту председателя Госплана СССР в течение одиннадцати лет, Н.А. Вознесенский придавал огромное значение научной обоснованности народнохозяйственных планов. Он укомплектовал аппарат Госплана высококвалифицированными специалистами, знающими теорию и практику планирования, и, когда я пришел на место председателя, люди помнили Н.А.

Вознесенского, придерживались стиля и методов работы своего прежнего руководителя.

На заседаниях Госплана, которые он проводил, вопросы решались в органической связи теории и практики. Н.А. Вознесенский обладал удивительным даром руководителя, поддерживал все прогрессивное, требовал от работников дисциплины, железной логики, быстроты и гибкости мышления и, давая им поручения, добивался того, чтобы они выполнялись по убеждению, а не по приказу. С подчиненными был строг, но справедлив и всегда честен. Мне было приятно слышать о нем такие отзывы, тем более что мнение сотрудников Госплана полностью совпадало с моими собственными наблюдениями и впечатлениями.

Вспоминаются встречи с Н.А. Вознесенским в годы войны. Его осунувшееся лицо со складками под глазами. Резковатый в суждениях, он решительно настаивал на своих требованиях. Как-то Вознесенский вызвал меня и наркома угольной промышленности В.В. Вахрушева. Обсуждали положение дел с обеспечением фронта и народного хозяйства топливом. Наша информация не удовлетворила Вознесенского. Он потребовал увеличить проектные задания по добыче нефти и угля, заявив при этом, что запрашиваемые материальные ресурсы он дать не может. Вахрушев несколько раз настаивал на обеспечении плана материалами и оборудованием, а Вознесенский с неизменной твердостью отказывал. Горячий спор завершился тем, что Вахрушев, вскочив со стула и схватив Вознесенского за пиджак, начал трясти его, требуя удовлетворить просьбу Вознесенский отреагировал сообразно, и мне с его заместителем Пановым с трудом удалось разнять ссорящихся. Вахрушев ожидал неприятных последствий, но ничего не произошло. Сильный и благородный человек, Вознесенский не придал «схватке» никакого значения, и его взаимоотношения с Вахрушевым не ухудшились. При всей своей резкости и непримиримости он был на редкость доброжелательным человеком. Беспокойный и до тонкостей разбиравшийся в вопросах планирования организации труда, налаживания учета и отчетности, Вознесенский постоянно думал о будущем нашей экономики.

По мере того как я знакомился с его теоретическими разработками, передо мной раскрывалась вся сложность работы по планированию народного хозяйства, определению перспектив развития отраслей, науки и техники, роста жизненного уровня нашего народа, подъема культуры, образования и здравоохранения.

Более года ученые и специалисты, весь коллектив строителей

и эксплуатационников трудились дни и ночи, чтобы обеспечить бесперебойную подачу газа из Саратова в Москву.

Летом 1947 года газопровод был выведен на проектную мощность. Наиболее отличившихся наградили орденами и медалями. Группе специалистов присудили Сталинскую премию…

Кому хвала, а кому была уготована и кара. Нет, не забыл злопамятный Лаврентий Берия резковатую реплику Вознесенского, посмевшего в присутствии подчиненных напомнить ему, вершителю человеческих судеб, о том, что надо заниматься делом. Такое Берия не прощал. С непоколебимым хладнокровием, терпеливо следил он за Вознесенским в ожидании «срывов» председателя Госплана СССР, с тем чтобы осуществить свой коварный план.

Берия, насколько мне известно, ревновал Сталина ко всем, к кому тот хорошо относился. Как раз в то время бытовало мнение, что Сталин, думая о преемниках, видел на посту Генерального секретаря ЦК Кузнецова, а на месте Председателя Совета Министров СССР – Вознесенского. Берию конечно же это никак не устраивало. А поскольку он был мастером на интриги и знал, что Сталин ему полностью доверяет, провести «операцию» против Вознесенского для него не составило труда.

В качестве компромата была использована докладная записка председателя Госснаба СССР М.Т. Помазнева о занижении Госпланом СССР плана промышленного производства на I квартал 1949 года. Так был дан сигнал к началу травли Вознесенского.

Назначенный в Госплан СССР на должность уполномоченного ЦК ВКП(б) по кадрам Е.Е. Андреев в июле 1949 года представил записку об утере Госпланом СССР за период с 1944 по 1949 год ряда секретных документов.

В записке на имя Сталина, составленной Берией, Маленковым и Булганиным, было сказано: «Товарищ Сталин, по Вашему указанию Вознесенского допросили и считаем, что он виновен».

Талантливого организатора, руководителя экономического штаба страны не стало…

На счету нефтедобытчиков страны десятки тысяч поистине героических подвигов в годы войны. Буровые бригады обеспечивали высокие для того времени скорости проходки скважин. Внедряя передовые, усовершенствованные методы буровых работ, бурильщики Востока прочно удерживали переходящие Красные знамена Государственного Комитета Обороны, ВЦСПС и Наркомнефти. Отметим только двух из многих и многих. Бригада бурового мастера из Башкирии П.П.

Балабанова осенью 1941 года установила рекордную проходку скважины; бригада мастера И.Д. Куприянова в апреле 1945 года превысила скорость турбинного бурения более чем в 3,3 раза против нормы.

Родина достойно оценила труд этих мастеров своего дела, присвоив им в 1945 году за систематическое перевыполнение плановых заданий звание «Мастер первого класса». Позднее П.П. Балабанов стал лауреатом Государственной премии, а И.Д. Куприянов – Героем Социалистического Труда.

Серьезные изменения в годы Отечественной войны произошли и в нефтяном машиностроении, которое в довоенный период продолжало тяготеть к своему старому центру – Баку. За несколько предвоенных лет заводы нефтяного машиностроения окрепли и увеличили выпуск продукции, которая в 1941 году по сравнению с 1938 годом выросла на 63 процента. Машиностроительная база Востока находилась лишь в стадии организации, практически она еще не работала. С самого начала войны было ясно: нельзя медлить ни минуты с созданием крупной машиностроительной базы на Востоке СССР. Большая работа была проделана по переброске из Баку и других районов ряда машиностроительных заводов на Восток.

Как уже говорилось, все машиностроительные заводы, объединявшиеся трестом «Азнефтемаш», равно как и во всем Союзе, были переключены на выпуск вооружения и боеприпасов – пулеметов ППШ, мин, снарядов для знаменитых «катюш» и другой оборонной продукции.

Ряд же заводов Главнефтемаша был эвакуирован в восточные районы страны. Так, оборудование завода им. Орджоникидзе из Подольска Московской области было вывезено в поселок Верхние Серги Свердловской области, а на оставшихся площадях было развернуто производство деталей боевых самолетов. Завод им. Петровского из Донбасса был полностью эвакуирован в город Гурьев. Часть оборудования бакинских заводов была также вывезена на Восток.

Оборудование эвакуированных заводов в тяжелейших условиях зимы 1941/42 года устанавливалось в неприспособленных помещениях, а иногда и на открытых площадках, где лишь сверху был натянут брезент, и сразу же пускалось в работу. Строительство цехов велось в ряде случаев над работавшим оборудованием. Благодаря самоотверженному труду нефтяников-машиностроителей уже в начале 1942 года на эвакуированных заводах начался выпуск изделий, необходимых для обороны нашей Родины.

В то же время на освободившихся площадях эвакуированных

заводов в городе Баку под руководством партийной организации Азербайджана в короткий срок было вновь установлено оборудование, таким образом, мощность этих заводов почти удвоилась.

После изгнания немецко-фашистских оккупантов с начала 1944 года началось восстановление завода им. Петровского в Донбассе и завода им. 11-летия Октябрьской революции в городе Туапсе. С особым энтузиазмом трудились коллективы нефтяников и строителей, возвратись из эвакуации на свои родные заводы.

Война внесла известные коррективы в производство и номенклатуру изделий почти каждого завода нефтяного машиностроения: наряду с производством самого необходимого нефтяного оборудования они ощутимо помогали фронту, выпуская оборонную продукцию. Так, коллектив Московского завода «Борец» за несколько дней освоил в октябре 1941 года, когда столица была объявлена на осадном положении, выпуск крупнокалиберных мин большой разрушительной силы. И здесь хочется отметить такой факт: за время войны изменились не только профили заводов нефтяного машиностроения, не только методы производства – изменились и кадры. Тысячи новичков, особенно женщин, пришли на производство. При этом многие подростки-ученики и домохозяйки быстро освоили нужные профессии и показывали образцовую работу на производстве.

В годы войны партийные организации, понимая роль нефти в победе над врагом, оказывали постоянную практическую помощь нефтяникам. Они поддерживали личный контакт с Наркоматом нефтяной промышленности и своими советами, а зачастую принятыми на месте мерами помогали исправлять недостатки и устранять помехи в работе отдельных предприятий, трестов и комбинатов.

Дружба нефтяников – представителей всех народов СССР, сложившаяся в годы довоенных пятилеток, еще более закалилась и окрепла в период Великой Отечественной войны: они трудились в едином строю во имя спасения нашей Родины.

Развитие нефтедобывающей промышленности на Востоке сыграло важную роль в укреплении обороноспособности страны. В 1942 году, когда фашистские войска устремились к нефтепромыслам Кавказа, пытаясь отрезать страну от важнейших экономических районов, нефтяной базы Юга, нефтяники Куйбышевской области, Башкирской и Татарской АССР приложили все силы к тому, чтобы развернуть как можно шире разведочные работы, увеличить добычу нефти. Братскую помощь кадрами и оборудованием, как мы уже видели, оказали им бакинцы и грозненцы.

Патриотическое чувство всех тружеников-нефтяников хорошо выразили рабочие ишимбайского нефтепромысла, заявившие на митинге в начале Великой Отечественной войны: «Каждая тонна нефти – это наш залп по Гитлеру».

Башкирские нефтяники, чтобы выполнить третий пятилетний план – увеличить объем извлекаемой нефти в пять раз, открывают новые залежи, расширяют разведку, продолжают обустройство: сооружают компрессорные станции, местные трубопроводы, дороги и т. д. Рабочий поселок, бывшая деревня Ишимбаево, становится в 1940 году городом Ишимбаем – первым городом нефтяников Башкирии. Забегая вперед, скажу, что в 1946 году стал городом и рабочий поселок Октябрьский. За год до начала войны вступил в строй нефтепровод, соединивший туймазинские промыслы со станцией Уруссу, откуда 24 мая машинист комсомолец-стахановец Курбангалеев повел первый состав с нефтью. Проводятся организационные усовершенствования: в 1940 году теперь уже в Уфе создается Башнефтекомбинат для управления всей нефтяной промышленностью республики, который возглавляет С.И. Кувыкин. Там также работали Н.И. Титков, А.А. Трофимук, В.Р. Рябчиков, Н.А. Золотов, А.Т. Шмарев. Позднее сюда пришли такие опытные специалисты, как К.И. Коваленко, Н.А. Муганлинский, Е.В. Столяров и другие.

А бывший трест «Башнефть», естественно, становится трестом «Ишимбайнефть». В годы Великой Отечественной войны народнохозяйственное и оборонное значение нефтяных месторождений Поволжья и Урала неизмеримо возросло. Коммунистическая партия и Советское правительство призвали нефтяников восточных районов, в том числе и Башкирии, принять все меры для резкого увеличения добычи и переработки нефти, чтобы обеспечить фронт и тыл горючим и другими нефтепродуктами.

Параллельно с налаживанием выпуска военной продукции страна направляла средства и силы на быстрое выполнение требований нефтяников. И в эту тяжелую пору, как и раньше, значительную помощь башкирам оказывали нефтяники других республик и областей.

Коммунистическая партия и Советское правительство приняли ряд мер для обеспечения нефтяной промышленности Башкирии оборудованием, материалами, транспортом и квалифицированными кадрами. За счет эвакуированных предприятий укрепилась промышленность по производству нефтяного оборудования. Из Баку в Башкирию был перебазирован механический завод по ремонту бурового оборудования. И в том, что башкирские нефтяники блестяще справились в те тяжелые

годы с заданиями Родины, есть большая заслуга коллектива бакинского завода нефтяного машиностроения, эвакуированного осенью 1941 года в Ишимбай. Во главе с директором завода Г.Г. Разлукиным и главным инженером А.М. Надировым этот дружный коллектив, проявляя трудовой героизм, сумел на десятый день после приезда начать ремонт оборудования, поступавшего с нефтепромыслов.

И еще один пример: в ноябре 1941 года из-за пятидесятиградусных морозов на Ишимбайском НПЗ вышли из строя все задвижки трубопроводов. Для ликвидации аварии нужно было останавливать производство минимум на месяц, а значит, недодать фронту тысячи тонн горючего. И тут бакинцы снова пришли на помощь. Тринадцать суток, днем и ночью, они устраняли повреждения. Благодаря этому продукция ишимбайцев поступила в баки танков, самолетов, бронемашин, сокрушавших фашистские полчища у стен Москвы.

Перед областной партийной организацией, перед нефтяниками республики встала задача в кратчайшие сроки смонтировать оборудование эвакуированных заводов и пустить их в работу. Кроме удовлетворения запросов нефтяной промышленности эти заводы должны были давать и продукцию для фронта. На VII пленуме Башкирского областного комитета ВКП(б) были намечены конкретные мероприятия по пуску эвакуированных предприятий, и к 1942 году заводы нефтяного машиностроения республики уже вьпустили большое количество продукции.

Уфимский нефтеперерабатывающий завод расширил свои мощности почти на 74 процента за счет оборудования аналогичных заводов Грозного. Для ликвидации недогрузки на НПЗ Башкирии стала направляться сырая нефть из трестов «Бугурусланнефть», «Кинельнефть».

В августе 1942 года в Башкирию был перебазирован институт «Грознефтепроект», влившийся в институт «Башнефтепроект». В Уфу также эвакуируется Московский нефтяной институт, на базе которого затем был создан Уфимский нефтяной институт.

Претворяя в жизнь решение ЦК партии об оказании помощи нефтяникам Башкирии, президиум АН СССР совместно с Наркомнефтью посылает в Башкирию комплексную экспедицию для разведки новых нефтяных месторождений. К участию в экспедиции были привлечены крупные научные силы столичных институтов во главе с академиком О.Ю. Шмидтом. В это же время в Уфу по решению решению Центрального Комитета партии и Советского правительства был временно эвакуирован Наркомат нефтяной промышленности.

И как не вспомнить, описывая подвиг нефтяников страны в Отечественную войну, слова Мариэтты Шагинян, побывавшей сразу после войны на промыслах Башкирии: «В первые годы войны, когда бакинская нефть была отрезана от нашего Востока, ишимбаевские промыслы работали на оборонную промышленность: они поили нефтью сибирские и уральские заводы, снабжали бензином тракторы барабинских и кулундинских житниц. Хотя башкирская нефть низкооктановая… но наши заводы-крекинги научились перегонять из нее прекрасный авиационный бензин, и он потек отсюда на фронт».

И действительно, за годы войны были освоены Карлинское, Кинзебулатовское, Салиховское и Цветаевское месторождения и Ишимбай дал стране 4,4 миллиона тонн нефти. Какой ценой давались эти тонны – трудно представить даже сейчас. Люди в те тяжелые для Родины дни переносили такие лишения, что, не говоря уже о молодежи, даже нам, современникам, подчас в это не верится.

Эвакуация огромной армии людей на Восток, проблемы транспорта, жилья, питания, одежды. Заводы монтировались и запускались с ходу, прямо с колес, с платформ; почти под открытым небом, под временными навесами.

И морозы… Бакинцы, грозненцы – южный народ – и уральские жгучие морозы до 56 градусов! Были случаи, люди гибли, но дело свое не оставляли до самого конца. Машины, механизмы – и те не выдерживали. Помню, сам наблюдал, как на ходу останавливались двигатели на станках-качалках. Однажды на моих глазах оператор хотел продуть трубку бензопровода и, прикоснувшись языком к металлу, примерз.

В 1941 году на базе Бакинского геолого-разведочного треста организуется трест «Башзападнефтеразведка». Некоторое время этот трест возглавлял В.Д. Шашин – позднее министр нефтяной промышленности. Создается нефтяная комиссия во главе с А.А. Блохиным, другими известными геологами. Однако в 1941–1942 годах поисково-разведочные работы этих организаций не дали значительных результатов. Но осенью 1943 года, в разгар Великой Отечественной войны, на Кинзебулатовской складке, юго-восточнее Ишимбая, где разведочные работы велись по инициативе А.А. Трофимука, забил мощный фонтан нефти. За это открытие и другие заслуги Андрей Алексеевич Трофимук получил почетное звание Героя Социалистического Труда. Это опять было открытие без аналогов – тип месторождения отличался как от Ишимбайских месторождений, так и от Туймазинской нефтеносной структуры. Новый тектонический тип месторождений получил наименование складок

кинзебулатовского типа. То были нарушенные складки, в тектоническом плане приуроченные к центру Предуральского прогиба, длинные и узкие, они протягивались в меридиональном направлении, параллельно цепочке рифов, восточнее последних. Открытие Кинзебулатовского месторождения позволило существенно увеличить добычу нефти по республике.

Но немало сложностей было с открытием Кинзебулатовского месторождения. Не очень компетентные, но облеченные определенной властью люди пытались обвинить геологов, открывших это месторождение, в его «сокрытии» В то время мне пришлось как первому заместителю наркома срочно выехать в Башкирию для выявления резервов подъема добычи нефти в этом районе, в том числе и за счет скорейшего ввода в разработку Кинзебулатовского месторождения. Попутно мне было поручено разобраться с историей открытия месторождения.

Начну с последнего. Даже при первом знакомстве с работой геологов по выявлению Кинзебулатовского месторождения у меня сложилась твердая уверенность, что их не только нельзя обвинять в каких-то неправильных действиях, а следует, наоборот, поощрить. Ибо только благодаря высокой квалификации геологов, их тщательной работе по изучению своеобразного строения разреза западного склона Урала была установлена промышленная нефтеносность Кинзебулатовской складки.

Как была решена первая часть задачи, стоявшей передо мной в ту поездку, читателю лучше узнать из воспоминаний Андрея Алексеевича Трофимука – ныне академика РАН, а тогда главного геолога треста «Ишимбайнефть» и одного из первооткрывателей Кинзебулатовского месторождения.

«В 1942 году Николай Константинович Байбаков – первый заместитель наркома нефтяной промышленности СССР прибыл в г. Ишимбай для ознакомления с состоянием добычи нефти на ишимбайских нефтепромыслах и разработки мероприятий по ее подъему.

Время было очень тяжелое. Ишимбайские промыслы в то время давали более 90 % всей нефти Урало-Поволжья (Второго Баку). Однако при этом наметилось падение добычи нефти. Нужно было разработать и осуществить мероприятия по немедленному ее наращиванию.

Николай Константинович вызвал меня – главного геолога Ишимбайнефти и начальника планового отдела А. Машковского. По его (Н.К.) заданию нам следовало выявить причины снижения добычи и дать предложения по ее подъему.

Первоначально мы представили Н.К. Байбакову формальный анализ причин снижения добычи нефти и дали предложения по

ее стабилизации.

Ознакомившись при нас с нашими выкладками, Н.К. Байбаков сказал: «Вы полагаете, что ваши расчеты могут меня удовлетворить? Почему нет подробного анализа работы всего фонда скважин? Какие меры будут приняты для интенсификации добычи нефти из пласта? Какой прирост дает и может дать обработка забоев скважин соляной кислотой, термохимическое воздействие на пласт?» и т. д., и т. д.

Очень неловко чувствовали мы себя под напором глубоко продуманных инженерных решений, предлагаемых Н.К. Байбаковым.

Извинившись перед Н.К. Байбаковым за свою поспешность, мы обещали ему к следующему утру дать подробный анализ как причин падения добычи нефти, так и мер по его предотвращению и последующему наращиванию добычи.

Всю ночь мы трудились, и к утру представили глубокий, всесторонний анализ причин падения, дали подробный расчет источников наращивания добычи.

Николай Константинович, ознакомившись с нашей работой, сказал: «Теперь удовлетворен вашей работой. Более того, я использую ваш доклад в качестве хорошего примера того, как нужно анализировать состояние нефтедобычи и обосновывать мероприятия по ее подъему».

Эти слова Н.К. Байбакова я и А. Машковский восприняли и как прощение за нашу оплошность, и как предметный урок глубокого инженерного проникновения в суть дела…»

Продукция нефтеперерабатывающих заводов, достроенных в предвоенные годы на базе башкирских месторождений «черного золота», во время Великой Отечественной войны сыграла важную роль в обеспечении нужд фронта и всего народного хозяйства горюче-смазочными материалами. Добыв за годы войны 5 миллионов тонн нефти, башкирские нефтяники внесли свой весомый вклад в победу нашего народа над фашизмом. В 1949 году нефтепромыслу № 1 треста «Туймазанефть» и строительному тресту «Башнефтестрой» за доблестный труд в годы Великой Отечественной войны были вручены на вечное хранение Красные знамена ГКО.

Хочется сказать несколько слов о вкладе в нелегкое дело Победы и Оренбургского Приуралья. Издавна здесь были известны признаки нефти. Большое значение для расширения поисков и разведки нефти в восточных районах, и в частности в Оренбургской области, имел XVII съезд партии, поставивший задачу серьезно взяться за организацию нефтяной базы на западных и южных склонах Уральского хребта.

С 1934 года в Оренбургском Приуралье одновременно с разведочным бурением начинают шире применять геофизические методы: сейсмометрию, гравиметрию и электрометрию.

Большой энтузиазм в работе проявили геологи Р.Ф. Безукладнов, С.С. Жуков, А.А. Богданов, В.Н. Красильников, К.Р. Чепиков, И.Ф. Мартьянов, Я.С. Никитин, старейшие буровики Бугуруслана В.Д. Балыкшов, Т.Ф. Калиничев и другие.

Об условиях, в которых в те годы приходилось работать оренбургским искателям нефти, рассказывает ветеран бугурусланской нефти Т.Ф. Калиничев.

«…Тогдашнее оборудование буровой – никакого сравнения с нынешним. Буровая вышка на всю высоту в 37 метров сплошь обшивалась досками, включая кронблок. Привод лебедки и насоса был паровой, английской фирмы. Глину на буровую доставляли на лошадях, нагружали ее на глинокарьере лопатами. Глинистый раствор приготовляли в мерниках, размешивая вручную. Готовили земляные приемы для раствора, очищали их от шлама одним орудием – лопатой. Трубы, инструмент и даже десятитонные паровые котлы возили на лошадях. Навинчивали и отвинчивали трубы при спуско-подъемных операциях цепным ключом. Квадрат опускался не в шурф, а ставился в буровой и привязывался. Бурение велось ротором с числом оборотов не более 25 в минуту. Вес инструмента и нагрузка на долото контролировались на глазок, вся надежда была на опыт и сметку бурильщика. Собирали долото на буровой, надевая на опору шарошки и шплинтуя гвоздями. Обсадная колонна опускалась на заклепках…»

Достаточно сказать, что на сборку деревянной вышки затрачивалось до 25 пудов гвоздей! А ведь каждый гвоздь должен кто-то был еще и вбить.

Только после 1938 года стали появляться металлические буровые, сборка которых вначале проводилась под непосредственным наблюдением управляющего трестом «Бугурусланнефть», в то время С.И. Кувыкина.

Не все шло гладко. Несмотря на то, что еще в 1935 году на правом берегу реки Малый Кинель была найдена Садкинская асфальтовая жила, а через год закартировано Бугурусланское поднятие, первая скважина, пробуренная здесь в 1937 году, по техническим причинам не дошла до проектной глубины и была ликвидирована. Однако в ней были отмечены признаки нефти и газа при проходке пород на глубине 230 метров. А вот следующая скважина, пробуренная в июне того же года бригадой мастера В.П. Волкова, дала первую промышленную оренбургскую нефть из пермских отложений. При испытании уфимских песчаников

приток нефти составил здесь около 10 тонн в сутки.

Затем нефть была получена из другой скважины с глубины 207 метров.

В ноябре 1937 года на базе существующей в Бугуруслане нефтеразведки возникает первый в Оренбургской области нефтепромысел.

А уже в 1938 году Бугурусланская нефтяная площадь, состоящая из шести эксплуатационных скважин, дала стране 2246 тонн нефти. В этом же году были созданы в Куйбышеве, как уже говорилось, объединение «Востокнефтедобыча» и в Бугуруслане – трест «Бугурусланнефть».

Летом 1938 года в Бугуруслане побывал И.М. Губкин. Он призвал геологов, не ограничиваясь пермскими отложениями, искать большую нефть глубже, в более древних каменноугольных и девонских отложениях. Как мы знаем, впоследствии этот прогноз полностью подтвердился. С этого момента разведочные работы здесь получили дальнейшее развитие, что привело к новым открытиям.

В это время в Бугуруслан на помощь оренбургским нефтяникам приехали бакинские буровики – мастера, я бы сказал, асы нефтяного дела.

Об одном из таких, как сейчас принято называть, наставников молодежи хочется сказать особо – это буровой мастер Г.А. Бугаев. Он не побоялся бросить удобный, благоустроенный дом, привычную работу и, долго не раздумывая, снялся с места и с большой семьей приехал в Бугуруслан. Родина высоко оценила его труд, наградив орденом Ленина.

Насколько правильным, дальновидным было решение Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б), принятое в марте 1938 года, о форсировании организации добычи нефти в Бугурусланском районе на базе имеющихся запасов, стало особенно очевидным в период Великой Отечественной войны.

Были открыты Красноярское, Заглядинское, Кирюшкинское, Султангуловское, Тархановское месторождения нефти и газа.

Нельзя забывать, как важна была бугурусланская нефть во время Великой Отечественной войны. Это объяснялось прежде всего выгодным географическим положением, малыми глубинами залегания нефти, что создавало возможность быстрого освоения скважин, наличием железнодорожного транспорта.

Уже в первые годы войны добыча нефти в районе Бугуруслана поднялась с 111 тысяч до 300 тысяч тонн в год. 117 эшелонов сверхплановой нефти дали бугурусланские нефтяники фронту, за что им было вручено на вечное хранение Красное знамя Государственного Комитета Обороны. А всего из недр

бугурусланских месторождений было добыто за 1941–1945 годы около одного миллиона тонн нефти – таков был вклад оренбургских нефтяников в победу над фашистами.

Одновременно с нефтедобычей начала развиваться в Оренбургской области и газовая промышленность. Вообще первый природный газ был получен здесь в декабре 1942 года из скважины Бугурусланского месторождения. Вскоре на газовое отопление были переведены хлебозавод, мельницы и другие предприятия Бугуруслана.

Как я уже ранее говорил, по решению Государственного Комитета Обороны первый в СССР газопровод отсюда был сооружен именно в это тяжелое время, и промышленники и предприятия Куйбышева получили с его помощью необходимое топливо.

Газопровод этот был как бы прообразом, предшественником крупнейшего в Европе газопровода Оренбург – Западная граница, в сооружении которого принимали участие и строители из социалистических стран. Эту трансъевропейскую магистраль заполнило «голубое топливо» крупнейшего Оренбургского месторождения, на котором первый фонтан газа был получен 6 ноября 1966 года.

За короткий срок здесь были пробурены десятки скважин, ибо разведка велась по новой комплексной методике, предусматривающей одновременное проведение бурения и детальной сейсморазведки. Благодаря такому новшеству уже в 1968 году были оценены запасы газа.

В открытии этого крупнейшего месторождения не только области, но и страны участвовал большой коллектив геологов, геофизиков, буровиков: И.А. Шпильман, А.А. Воробьев, Н.С. Можаев, С.Д. Черепахин, А.В. Овчаренко, Ю.А. Гличев, И.А. Денцкевич, О.А. Хоментовская, А.Л. Краснов и многие другие.

Но вернемся к военному периоду. В годы войны нефтяным промыслам не хватало кадров – опытные мастера своего дела уходили на фронт. Но на смену им приходило младшее поколение, а также женщины и девушки. Были даже женские буровые бригады.

Решающую роль в воспитании кадров оренбургских нефтяников на всех этапах развития нефтяной промышленности, в том числе и в тяжелейшие годы войны, сыграли партийные организации области. На базе бугурусланской школы нефтяников практически сформировались кадры для всей оренбургской нефтяной промышленности. Это прежде всего геологи М.Ф. Свищев, Г.А. Кузнецов, А.Г. Татаринов, А.И. Кулаков, буровые мастера А.Н. Сакадин, А.Г. Авдошин, А.Е. Мартьянов, И.А.

Бушуев, Н.Н. Зенков и другие, среди них имеются и кавалеры ордена Ленина и Герои Социалистического Труда.

Несмотря на то, что И.М. Губкин и другие геологи еще в 30-е годы и ранее утверждали, что основная, большая, нефть в описываемом районе залегает глубже, то есть в более древних каменноугольных и девонских отложениях, начать ее поиски удалось лишь после окончания войны. Небольшая глубина скважин на пермские отложения позволяла быстро пускать их в эксплуатацию. В условиях военного времени, когда главным было увеличение добычи нефти, это себя оправдывало. Разведка больших глубин требовала значительных материальных и людских ресурсов, а также усовершенствования технических средств бурения, что тогда было невозможно…

Грандиозен перечень славных дел работников всех отраслей нефтяной промышленности в Отечественную войну! На нефтепромыслах, заводах и нефтебазах люди работали с лозунгом: «Все для для Родины, все для фронта, все для победы!» И нефтяники отдавали всю творческую энергию, все силы на то, чтобы с честью справиться с возложенными на них задачами.

В те годы возникло новое направление социалистического соревнования: труженики тыла соревновались с фронтом. Горячо был встречен всеми договор о соревновании между бакинскими нефтяниками и летчиками-фронтовиками.

Патриотизм, преданность социалистической Родине работников нефтяной промышленности обеспечили успешное решение проблемы снабжения жидким топливом в годы Великой Отечественной войны.

С чувством законной гордости можно отметить, что действующая армия ни на одном этапе не знала трудностей с нефтепродуктами и даже в особо сложные первые годы войны, несмотря на ущерб, нанесенный временной потерей украинских, кубанских и частично грозненских промыслов, несмотря на демонтаж и эвакуацию ряда нефтеперерабатывающих заводов на Восток и уничтожение почти половины нефтебаз, все требования фронта оперативно удовлетворялись.

Еще раз хочу подчеркнуть, что, преодолевая огромные трудности военного времени, нефтяники обеспечили бесперебойное снабжение фронта нефтепродуктами. Партия и правительство в свою очередь предпринимали усилия, чтобы обеспечить материально-техническое и продовольственное снабжение нефтяников.

…Вспоминается февраль 1946 года. В Большом театре собрались избиратели Сталинского района на встречу со своим кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР И.В. Сталиным.

В президиуме – члены Политбюро ЦК, в первых рядах партера – наркомы. Сталин выступил перед избирателями с большой речью, отметив, в частности, что партия намерена организовать новый, мощный подъем народного хозяйства, который даст нам возможность увеличить уровень промышленного производства втрое по сравнению с довоенным. Добыча угля должна возрасти до 50 миллионов тонн в год, нефти – до 60 миллионов тонн. Только в таких условиях, утверждал Сталин, наша страна будет гарантирована от всяких случайностей, но на это уйдет, пожалуй, три новые пятилетки, если не больше.

Когда я услышал последнюю цифру, у меня волосы встали дыбом. До войны, как известно, мы добывали 33 миллиона тонн нефти в год, чему предшествовали десятилетия развития нефтяных промыслов. Теперь же страна, обессиленная грандиозной битвой с фашизмом и потерявшая в ней многие миллионы жизней, должна в кратчайшие сроки не только возродить разрушенные промышленные и сельскохозяйственные районы, но и довести добычу нефти с 19 до 60 миллионов тонн. Иначе говоря, за короткий срок дать почти вдвое больше, чем до войны, и одновременно поднять благосостояние народа, обеспечив людей прежде всего продуктами питания, жильем, предметами первой необходимости.

На другой день я позвонил Берии.

– Лаврентий Павлович, кто дал Сталину такие цифры? Есть какие-нибудь расчеты или нет?

– Не твое дело! – грубо ответил Берия. – Тебе Генеральный сказал? Вот теперь думай и делай, чтобы эти шестьдесят миллионов были.

Пришлось действовать… Форсировалась добыча нефти, в основном в районе Баку. В Краснодарском крае были развернуты буровые и строительные работы, в результате чего довоенный уровень добычи нефти был достигнут уже в 1949 году. Аналогичные мероприятия были проведены в Грозном, восстанавливалась база в Дагестанской АССР и на Украине. Большие надежды возлагались на шельф Каспийского моря. В открытом море создавались нефтяные промыслы: из пробуренных там скважин добывали сотни тысяч тонн нефти. Но ставку делали прежде всего на Второе Баку. Однако открытие здесь больших запасов нефти со всей остротой поставило вопросы доразведки и разработки открытых месторождений, обустройства нефтепромыслов, укомплектования кадрами, развития жилищного и культурно-бытового строительства. Время было послевоенное, в полуразрушенной, голодной и истощенной войной стране не хватало техники, материалов и финансов.

Многое делалось ручным способом, без проектов и смет, что, естественно, приводило к ошибкам, затягиванию сроков строительства.

Но государству нужна была нефть. Уже при разработке первого послевоенного пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 годы было предусмотрено вовлечение в хозяйственный оборот месторождений Второго Баку. Именно здесь на основе разработки девонских залежей в течение десяти лет была создана крупная база нефтяной промышленности страны.

Нефтяники, как всегда, и особенно в период послевоенного восстановления народного хозяйства, работая с большим подъемом, превзошли и этот, казавшийся недосягаемым рубеж в 60 миллионов тонн нефти. В 1955 году было добыто 70 миллионов тонн, а в 1960 году добыча нефти достигла почти 147 миллионов тонн. Это была грандиозная победа в ходе работы по реконструкции и дальнейшему развитию топливных отраслей. И так трудился весь советский народ, что позволило за короткий срок не только восстановить народное хозяйство, разрушенное за годы войны, но и значительно укрепить экономику страны.

Национальный доход вырос в 1955 году в 2,8 раза против 1940 года, продукция промышленности – в 3,2 раза, розничный товарооборот – в 2,1 раза, реальная заработная плата рабочих и служащих – в 1,8 раза. Узким местом оставалось сельское хозяйство, валовая продукция которого лишь незначительно превысила довоенный уровень. Его отставание объяснялось многими причинами, в том числе недостатками и ошибками в руководстве, недооценкой экономических факторов при детальном директивном планировании. Сохранение низких закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию привело к резкому снижению материальной заинтересованности колхозников. Был нарушен принцип оптимального сочетания общественного и личного хозяйства.

Большое значение уделялось индустриализации страны, укреплению ее оборонной мощи. Пятилетний план, принятый на XIX съезде партии в октябре 1952 года, предусматривал крупномасштабное строительство гидростанций на Волге и Каме, новых предприятий – гигантов тяжелой промышленности, сооружение оросительных систем, создание единой глубоководной транспортной системы в европейской части страны, строительство ряда железных дорог.

Однако безапелляционные выступления Сталина о превосходстве советской науки и техники, его пренебрежение опытом развитых капиталистических стран, отрицание таких

новых прогрессивных научных направлений, как кибернетика и генетика, ориентация лишь на отечественные достижения ограничивали научно-технический прогресс и вели к отставанию в ряде областей науки и техники. Устаревшая техника преобладала и в промышленности, и на железнодорожном транспорте, и в строительстве.

Были серьезные недостатки и в решении социальных проблем. Проводилась односторонняя политика роста реальных доходов населения, в основном лишь за счет снижения розничных цен (да и это делалось после того, как цены были повышены при проведении денежной реформы 1949 года). Другие же пути роста доходов были «заморожены». Тарифные ставки и оклады рабочих и служащих нуждались в пересмотре. Для большинства населения сохранялись низкий минимум заработной платы и скудное пенсионное обеспечение.

…Перестройка хозяйства на мирный лад в основном завершилась в 1946 году. Объем промышленного производства в стране превзошел довоенный уровень в 1948 году. Таким образом, на восстановление промышленности потребовалось около двух с половиной лет.

Советские люди, так много потерявшие в войне, забыв о личном горе и нужде, латали старое, строили новое, пахали, сеяли, совершая великое чудо экономического возрождения.

Если развитие ФРГ было облегчено за счет американских денег, предоставленных по плану Маршалла, то причиной наших успехов в послевоенное время был титанический труд, терпение и патриотизм народа.

Об этом забывать не следует.

Вклейка

Рядовой Н.К. Байбаков. Дальневосточный край, 1936 год

Н.К. Байбаков со своим любимцем (конь «Каштанка»)

Лейтенант артиллерии Н.К. Байбаков (слева) со своим сослуживцем

Н.К. Байбаков с азербайджанскими нефтяниками в начале 1940-х годов

Среди наркомов СССР (40-е годы)

Н.К. Байбаков с супругой Клавдией Андреевной

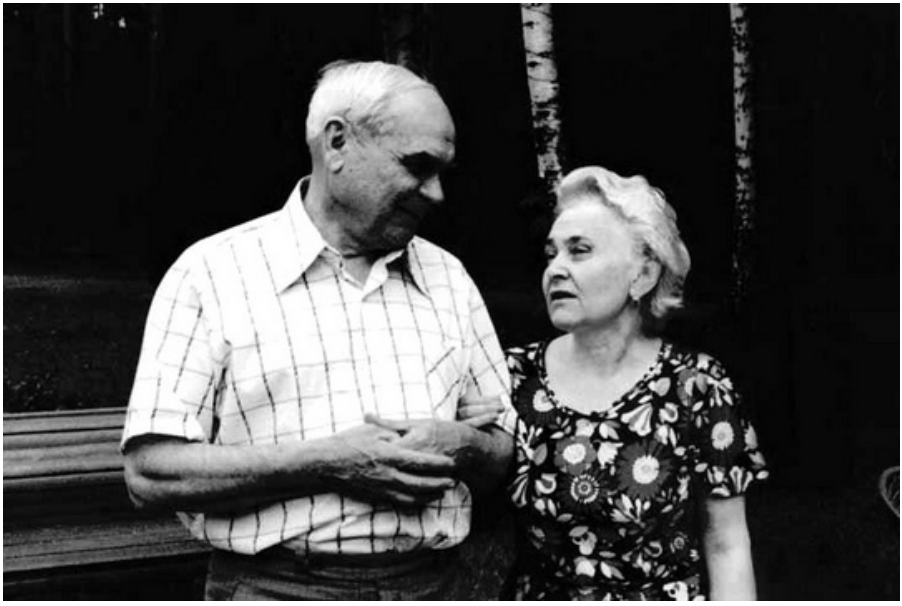
Перед вручением наград за обеспечение фронта

Нарком нефтяной промышленности. Баку, 1947 г.

Встреча с нефтяниками Баку на шельфе Каспийского моря. 1947 г.

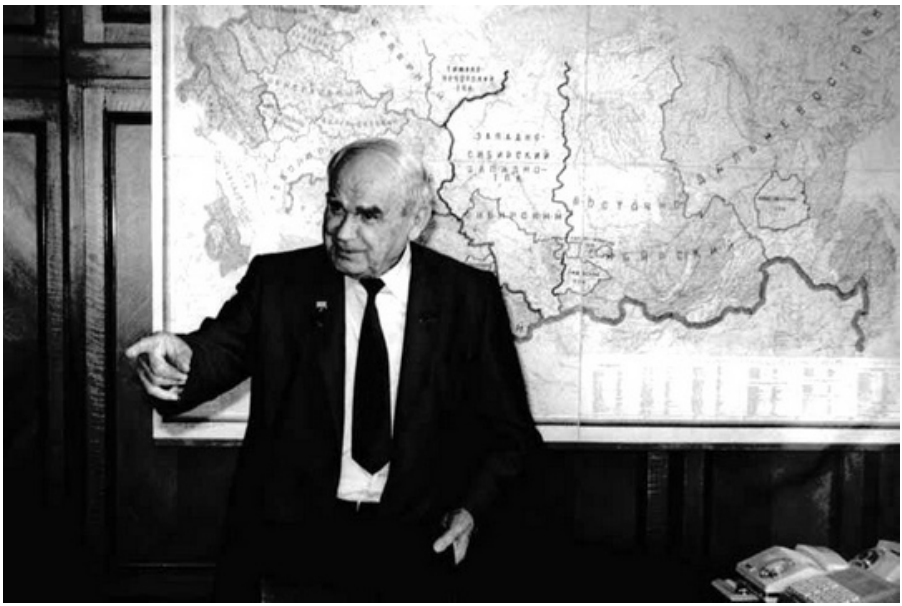
В кругу семьи. 1954 г.

Председатель Комитета по химии и нефти Н.К. Байбаков на встрече с преподавателями в МИНХ и ГП им. И.М. Губкина. 1968 г.



В Подмосковье

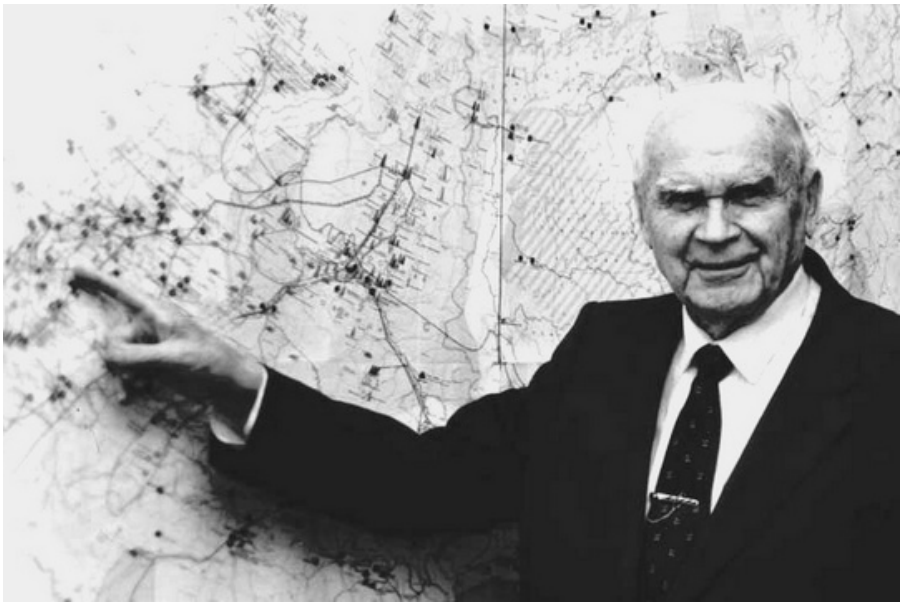
Подгорный вручает награду Н.К. Байбакову. 1971 г.



В своем рабочем кабинете в Госплане СССР. 1982 г.

Заседание в Госплане СССР, посвященное 50-летию образования СССР

Заседание коллегии Госплана СССР. 1975 г.



В своем рабочем кабинете в Институте проблем нефти и газа. 1997 г.